

Великая Отечественная: цена Победы
Валерий Абатуров, Ричард Португальский

ХАРЬКОВ

ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО

КРАСНОЙ АРМИИ

Великая Отечественная: цена Победы

Валерий Абатуров

**Харьков – проклятое
место Красной Армии**

«Яуза»

2008

Абатуров В. В.

Харьков – проклятое место Красной Армии / В. В. Абатуров — «Яуза», 2008 — (Великая Отечественная: цена Победы)

Харьков не зря прозвали «проклятым местом Красной Армии». Во время Великой Отечественной войны тяжелейшие бои за этот город стоили нам огромных жертв, советские войска дважды терпели здесь серьезные поражения. В мае 1942 года неудачное наступление РККА завершилось «Харьковской катастрофой», что привело к обрушению Юго-Западного фронта и прорыву немцев к Сталинграду и Кавказу. Последствия этого разгрома были настолько трагичны, а потери в живой силе и технике настолько велики, что Сталин сказал, обращаясь к главным виновникам провала Тимошенко и Хрущеву: «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, которую пережил фронт, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто...» Год спустя противник вновь нанес нам под Харьковом чувствительное поражение – в результате контрудара отборных танковых соединений СС советские войска были выбиты из города с большими потерями. И лишь в августе 1943 года, уже в ходе Курской битвы, Харьков был наконец освобожден окончательно. Четырежды переходивший из рук в руки город превратился в руины. Посетивший его в 1943 г. писатель Алексей Толстой писал: «Я видел Харьков. Таким был, наверное, Рим, когда в пятом веке через него прокатились орды германских варваров. Огромное кладбище...» Обо всех этих сражениях, о подлинной цене побед, о причинах и виновниках поражений читайте в новой книге Валерия Абатурова и Ричарда Португальского «Харьков – проклятое место Красной Армии».

© Абатуров В. В., 2008

© Яуза, 2008

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Валерий Абатуров, Ричард Португальский Харьков – проклятое место Красной Армии

Предисловие

В годы Великой Отечественной войны с учетом значительной протяженности советско-германского фронта и возможностей противоборствующих сторон боевые действия на различных его участках не могли вестись с одинаковой степенью интенсивности и напряженности. На одних из них длительное время преобладали позиционные формы борьбы, на других, наоборот, основное содержание вооруженной борьбы составляли активные действия как советских, так и немецких войск. Стремление решить стоявшие перед ними задачи преимущественно наступлением предопределяло ожесточенность и бескомпромиссность развернувшихся на этих участках и направлениях сражений и боев. Это в полной мере можно отнести к харьковскому направлению, которое с сентября 1941 г. по август 1943 г. находилось в центре внимания высшего политического и военного руководства СССР и Германии. За неполные два года Красная Армия провела здесь ряд оборонительных и наступательных операций, в ходе которых, с одной стороны, были достигнуты значительные оперативные результаты, а с другой – допускались крупные просчеты, приводившие к крайне негативным последствиям.

Высокая интенсивность боевых действий на харьковском направлении была не случайной. Она обуславливалась не столько его географическим положением, сколько политическим, экономическим и военным значением расположенного здесь Харьковского промышленного района. Накануне войны на территории Харьковской области действовало более 1250 промышленных предприятий. Ведущей отраслью являлось машиностроение, дававшее свыше 40 % продукции машиностроительной промышленности УССР и более 6 % союзного производства. Как важнейший узел железных и улучшенных грунтовых дорог Харьков был тесно связан со многими экономическими районами страны. Являясь вторым по величине городом Украины, он по праву считался ее второй столицей.

Уже в сентябре 1941 г. советские войска на харьковском направлении вынуждены были действовать в сложной обстановке. В начале месяца противник крупными силами форсировал Днепр в районе Кременчуга. Владея стратегической инициативой, он начал развивать наступление на Левобережной Украине. Войскам Юго-Западного фронта, прикрывавшим харьковское направление, не удалось в короткие сроки создать прочную оборону. Они были вынуждены вести тяжелые кровопролитные бои, отходя к Харькову.

В середине октября боевые действия велись уже на дальних и ближних подступах к городу. С утра 22 октября четыре немецкие пехотные дивизии, усиленные танками, при поддержке авиации и артиллерии предприняли штурм Харькова. В ночь на 25 октября советские войска после пятисуточных тяжелых оборонительных боев по приказу Ставки Верховного Главнокомандования оставили город и закрепились на рубеже Волчанск, Балаклея, Изюм.

С этого рубежа они в январе 1942 г. предприняли первую попытку освободить Харьковский промышленный район в ходе Барвенково-Лозовской операции. В соответствии с ее замыслом войскам Юго-Западного фронта была поставлена задача нанести удар силами 38-й и 6-й армий, разгромить противника в районе Чугуев, Балаклея, Изюм и овладеть Харьковом. Южному фронту предстояло силами 57-й и 37-й армий нанести главный удар в направлении Барвенково, Лозовая.

Операция началась 18 января 1942 г. Ударная группировка Юго-Западного фронта прорвала вражескую оборону и за четыре дня операции ценой значительных потерь продвинулась на расстояние до 25 км. Противник оказывал упорное сопротивление советским войскам, осо-

бенно в районах Балаклеи и Славянска. К концу операции общее продвижение двух фронтов составило 90–100 км. Их соединения перерезали железную дорогу Харьков – Запорожье, освободили Барвенково и Лозовую. Однако полностью выполнить поставленную задачу не смогли. Юго-восточнее Харькова образовался большой выступ, получивший наименование барвенково-лозовского плацдарма. Это был крупный оперативный плацдарм, позволявший наносить удар во фланг и тыл харьковской и донбасской группировкам немецких войск.

27 февраля 1942 г. Военный совет Юго-Западного фронта утвердил оперативную директиву о проведении наступательной операции по разгрому чугуевско-балаклеевской группировки противника. Цель операции: нанести охватывающие удары силами 6-й армии с балаклейского выступа и 38-й армии – с чугуевского, окружить и уничтожить вражеские войска юго-восточнее Харькова и освободить город.

Операция началась 7 марта. По ряду причин не удалось обеспечить внезапность удара. Части и соединения 38-й армии в нескольких местах форсировали Северский Донец. Однако сильное сопротивление противника, сложные погодные условия (морозы, метели, заносы) затрудняли ведение активных боевых действий. Бои шли с переменным успехом до первых чисел апреля. Наступление 6-й армии в районе Балаклеи также не получило должного развития. Немецкие войска были лишь отеснены на левый берег Северского Донца. В первой декаде апреля обе армии перешли к обороне.

Но уже спустя месяц (12 мая 1942 г.) началась новая наступательная операция. Переход войск Юго-Западного фронта в наступление стал для противника неожиданностью. Это обеспечило первоначальный успех в условиях сложной обстановки, когда наступавшие даже не имели существенного превосходства в силах и средствах. Однако немецкому командованию удалось подтянуть резервы и нанести ответный удар, который пришелся по частям 9-й армии Южного фронта. За три дня наступления армейская группа «Клейст» при поддержке авиации 4-го воздушного флота сумела создать в полосе обороны советских войск 80-километровую брешь, выйти на основные коммуникации наших соединений, действовавших в барвенковском выступе. Войска Юго-Западного фронта получили приказ прекратить наступление на Харьков, развернуть часть сил для ликвидации угрозы. Но было поздно.

К исходу 22 мая противник, нарастив свои усилия, ударными группировками вышел к Балаклее, перерезав пути отхода советских войск за Северский Донец. Оказавшиеся в окружении соединения 6-й и 57-й армий, армейской группы генерала Л.В. Бобкина до 29 мая героически сражались с превосходящими силами врага в условиях полного господства в воздухе его авиации, при острой нехватке боеприпасов, горючего и продовольствия. Лишь 22 тыс. бойцов и командиров вырвались из кольца. Общие потери войск юго-западного направления за период боев под Харьковом, по неполным данным, составили 230 тыс. человек. Таким образом, успешно начатая советскими войсками Харьковская наступательная операция закончилась катастрофой.

Следующая Харьковская наступательная операция, получившая наименование «Звезда», началась 2 февраля 1943 г. В ходе ее соединения 40, 69 и 3-й танковой армий Воронежского фронта, преодолевая сопротивление немецких войск на ряде поспешно занимаемых ими рубежей, охватили Харьков с нескольких направлений, но полностью окружить и разгромить харьковскую группировку врага не сумели. Но важнейшим итогом операции стало освобождение 16 февраля Харькова. Казалось, что инициатива перешла к советским войскам, для них открылись перспективы развития наступления к Днепру, переноса боевых действий на территорию Правобережной Украины.

Так в то время оценивали обстановку командующие войсками фронтов юго-западного направления, Генеральный штаб и Ставка Верховного Главнокомандования. Но эйфория успешного наступления и недооценка противника не позволили вовремя разглядеть нарастающую угрозу. Перейдя 19 февраля в контрнаступление, немецкая группа армий «Юг» вначале

нанесла тяжелое поражение армиям правого крыла Юго-Западного фронта, а затем перенесла боевые действия в полосу Воронежского фронта, действовавшего на харьковском направлении. Перейдя от наступления к обороне в короткие сроки, этот фронт в ходе Харьковской оборонительной операции, отражая удары превосходящих сил врага, вынужден был оставить Харьков и Белгород. Только привлечение резервов Ставки не позволило немецкому командованию полностью реализовать замысел своего контрнаступления и развить успех в направлении Курска. Образовавшийся при стабилизации положения сторон южный фас Курского выступа послужил исходным плацдармом для последующих операций на харьковском и других направлениях.

Окончательное освобождение Харькова летом 1943 г. тесно связано с одним из крупнейших событий Второй мировой войны – Курской битвой. Отразив мощные удары противника, войска Воронежского и Степного фронтов 3 августа 1943 г. приступили к проведению Белгородско-Харьковской наступательной операции. Днем полного и теперь уже окончательного освобождения города стало 23 августа.

В книге раскрываются условия, в которых вырабатывались замыслы операций, проводившихся на харьковском направлении в годы Великой Отечественной войны, показаны особенности подготовки войск и штабов к предстоящим действиям, вскрыты просчеты и ошибки, допущенные Ставкой Верховного Главнокомандования, Генеральным штабом, командованием фронтов и другими органами управления при подготовке и ведении боевых действий. В ней на фоне общего хода боевых действий рассказывается о том, в каких условиях сражались советские войска, как в ходе ожесточенной борьбы с врагом они воплощали в жизнь идеи и решения командования. При написании книги использованы ранее не вошедшие в научный оборот архивные, в том числе трофейные документы, неопубликованные воспоминания очевидцев тех дней, отечественная и зарубежная военно-историческая и мемуарная литература.

В.В. Абатуров, Р.М. Португальский

Глава 1

Барвенково-Лозовская операция

В канун Нового, 1942 года в штабе Южного фронта, разместившегося в Каменске, царило заметное оживление. Здесь собрались командующие армиями, командиры отдельных соединений фронтового подчинения. Гадать о причине столь представительного сбора на первый взгляд не приходилось: совсем недавно в командование войсками фронта вступил генерал-лейтенант Родион Яковлевич Малиновский, вот он и решил поближе познакомиться с подчиненными, обсудить назревшие вопросы.

Для большинства присутствующих это назначение не стало неожиданностью. Командармам и ранее приходилось общаться с бывшим коллегой – командующим 6-й армией, действовавшей на правом крыле фронта. Кандидатура достойная. Сорок три года, за плечами – Первая мировая и Гражданская войны, учеба в Академии имени М.В. Фрунзе. В 1937–1938 гг. – военный советник в республиканской Испании, летом сорок первого – командир 48-го стрелкового корпуса, в конце августа возглавил 6-ю армию, которая потом отличилась в боях на Днестре, за что и получил орден Ленина.

Вскоре в комнате появился начальник штаба фронта Алексей Иннокентьевич Антонов. Его тепло поздравили с присвоением очередного воинского звания генерал-лейтенанта, поинтересовались, когда прибудет новый член Военного совета Илларион Иванович Ларин – соратник Малиновского по 6-й армии.

«Ждем со дня на день. Кажется, все в сборе? Тогда доложу Семену Константиновичу», – ответил начштаба фронта и вышел.

Присутствующие переглянулись: выходит, их сюда вызвал вовсе не командующий войсками фронта, а сам Главнокомандующий юго-западного направления Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Значит, готовится что-то серьезное.

Через несколько минут заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Я.С. Дашевский пригласил всех в кабинет командующего. Там их встретил главком. Поздоровавшись, он открыл совещание: «Только что Левитан по радио объявил об освобождении Калуги, – сообщил маршал. – Это хороший новогодний подарок Родине от воинов Красной Армии. Соединения вашего и Юго-Западного фронтов, преследуя противника, успешно наступают. Они закрыли врагу «ворота на Кавказ», нанесли серьезное поражение ударной части группы армий «Юг», освободили Ростов и отбросили противника за реку Миус. Дальше, правда, продвинуться не удалось – слишком сильна оборона у немцев. Сейчас пришло время вновь решать активные наступательные задачи совместными усилиями обоих фронтов. Будем готовить операцию с целью разгрома донбасской группировки противника».

«В первом эшелоне группы армий «Юг», – продолжал Тимошенко, – действуют 6-я и 17-я полевые, а также 1-я танковая армии. Это более чем миллионная группировка, имеющая свыше 9 тыс. орудий и минометов, около 250 танков. У нас – свыше 850 тыс. личного состава, 3400 орудий и минометов, почти 200 танков¹. Кстати, в командование группой вместо Рунштедта недавно вступил генерал-фельдмаршал Рейхенау², известный вам как командующий 6-й армией. У него большой опыт боев в Польше, во Франции и здесь, на Восточном фронте.

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 244. Оп. 287. Л. 9.

² Вскоре после этого Рейхенау, одновременно исполнявший обязанности командующего 6-й армией, скоропостижно скончался. 20 января 1942 года в командование группой армий «Юг» вступил генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок. Командующим 6-й армией был назначен генерал-лейтенант Ф. Паулюс, до этого – первый обер-квартирмейстер (начальник оперативного управления) генерального штаба сухопутных войск вермахта.

В инженерном и огневом отношениях хорошо подготовлена вражеская оборона в населенных пунктах, особенно в Балаклее и Славянске. На донбасском направлении она наиболее плотная. Слабое ее место, по оценке наших разведчиков, – участок Балаклея, Артемовск, являющийся стыком полевых армий. Там и нанесем наш главный удар, сосредоточив до 60 % стрелковых войск, всю конницу, более 85 % артиллерии и танков, большую часть авиации. Таким образом, создадим значительное превосходство. Но это на время прорыва. В дальнейшем, естественно, враг попытается ликвидировать наше преимущество. Сил у него для этого немало. Поэтому задачами в подготовительный период следует считать: скрытую перегруппировку, тщательную подготовку исходного положения, мобилизацию личного состава на инициативные, дерзкие, стремительные действия...»

После перерыва совещание продолжил начальник Оперативной группы штаба войск направления генерал-лейтенант Иван Христофорович Баграмян. Об этом генерале уже сложилось мнение как о высококвалифицированном, с широким кругозором, энергичном штабном работнике. В 1915 г. окончил школу прапорщиков, добровольно вступил в Красную Армию, командовал полком, был начальником штаба кавалерийской дивизии. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, затем Военную академию Генерального штаба, остался в ней старшим преподавателем тактики; возглавлял оперативные отделы штабов армий, Киевского Особого военного округа, Юго-Западного фронта. Один из немногих старших командиров, сумевших прорваться в конце сентября 1941 г. из окружения под Киевом.

Сообщив о том, что маршал Тимошенко срочно вылетел на командный пункт Юго-Западного фронта, Баграмян продолжил разговор о предстоящей операции: «Планируется нанести удар смежными крыльями двух фронтов в направлении на Павлоград, Днепропетровск. В состав ударной группировки вашего фронта выделяются 57-я и 37-я армии, 1-й и 5-й кавалерийские корпуса. 12-я армия должна нанести вспомогательный удар на Дзержинск. 18-я и 56-я армии прикрывают ростовское направление. Из состава Юго-Западного фронта к операции привлекаются 6-я и 38-я армии, а также 6-й кавалерийский корпус. В резерве направления сосредоточивается 9-я армия, состоящая из трех стрелковых и двух кавалерийских дивизий. Ее ввод предусматривается там, где будет достигнут наибольший успех».

После того как Баграмян ответил на вопросы присутствующих, стала окончательно вырисовываться конечная цель операции, ее масштаб и размах: развивая наступление в общем направлении на Запорожье, выйти в тыл донбасско-таганрогской группировке противника, отрезать пути ее отхода на запад, прижать к Азовскому морю и уничтожить. В это же время часть сил левого крыла Юго-Западного фронта (6-я армия) должна нанести удар на Красноград, обеспечивая операцию с севера и одновременно способствуя 38-й армии в освобождении Харькова.

Масштабы впечатляли, размах поражал воображение. Не возникало и особых сомнений в успехе. Ведь противник отступал по всему фронту, он понес огромные потери, в значительной степени деморализован. Правда, дивизии 1-й танковой армии фон Клейста, оставившие Ростов, заняли глубоко эшелонированную оборону за Миусом, и все попытки преодолеть ее пока были тщетными. Но когда над этой группировкой нависнет угроза с севера, Клейсту ничего другого не останется, как поспешно отходить за Днепр. Иначе он и впрямь окажется заблокированным на побережье Азовского моря. Да и Манштейн в Крыму окажется в тяжелом положении.

Главное, в наших руках снова окажется «всесоюзная кочегарка» – Донбасс, вторая столица Украины – Харьков с его крупнейшими промышленными предприятиями. Конечно, соотношение сил благоприятным не назовешь – пехоты и танков примерно столько же, сколько и у противника, артиллерии больше у него же, самолетов – у нас, но их «мессершмитты» и «юнкерсы» лучше половины наших устаревших машин. По маневренности немецкие пехотные дивизии, хорошо оснащенные автотранспортом, значительно превосходят советские, где

основное транспортное средство – лошади. Но установившиеся в конце декабря морозы и занесшие все дороги метели это преимущество сглаживают. К тому же, надо думать, Верховный кое-что подкинет, особенно если дела пойдут успешно.

Да и главком, конечно же, не подведет. Свои способности он достаточно хорошо проявил в контрнаступлении под Ростовом. А уж там обстановка сложилась на редкость сложная: войска Южного фронта ударили на Большекрепинскую – во фланг Клейсту, а тот одновременно – на Ростов. Поначалу дела у советских войск шли неважно: противник захватил Ростов, отбросив 56-ю отдельную армию за Дон. Но Тимошенко упорно продолжал наступление, и вскоре Клейсту пришлось туго: над его тылами нависли 37-я и 9-я армии. Не помогла врагу и перегруппировка части его сил на север. Последовал наш удар на Ростов, и немецким войскам пришлось срочно оттуда ретироваться, чтобы не оказаться в «котле».

Сейчас, конечно, масштабы не те. Противник обороняется, наступаем мы, но обстановка в чем-то перекликается с той, что создалась в конце ноября прошлого года. Только теперь с севера угроза нависнет и над 1-й танковой, и над 17-й полевой немецкими армиями. Отличный замысел!

Баграмян, разумеется, на совещании Южного фронта не коснулся его предыстории. А она была достаточно сложной.

Уже 2 декабря стало ясно, что оборону противника на Миусе не прорвать. Анализ обстановки, кратко изложенный начальником штаба юго-западного направления генералом П.И. Бодиныным в его докладе на имя Тимошенко, наводил на определенные мысли и выводы, как бы предопределяя дальнейшие перспективы.

Бодин тогда констатировал: «Разгром в ближайшее время таганрогской группировки противника... развяжет нам руки до Днепра. Там недалеко Днепропетровск и, пожалуй, Крым»³.

Но в лоб Клейста не взять – это ясно. Нанести удар севернее?

Данные разведки, показания пленных свидетельствовали о том, что ожидать удара противника на изюмском направлении не следует. Из-под Харькова немецкое командование перебрасывало войска в Донбасс и южнее, а севернее, видимо, демонстрировало активность, чтобы оттянуть наши силы с Миуса. Именно так оценивалась обстановка в одном из документов тех дней:

«Под Изюмом у противника нет таких сил, чтобы он сделал большой удар. В лучшем случае, завяжутся серьезные бои, но Малиновский (тогда командарм 6-й армии. – *Авт.*) получит в ближайшее время пополнение и сумеет выйти из положения. Откладывать переброску двух-трех дивизий Коротееву (командующий 12-й армией. – *Авт.*) невыгодно по многим причинам.

Главные из них три:

1) Швеллер (командующий немецкой группой войск в Донбассе. – *Авт.*) усиливается, а его все же необходимо опрокинуть и выбросить из Донбасса...

2) У нас сейчас есть на юге лишние дивизии, и их появление на правом фланге Коротеева как нельзя кстати.

Что касается Юго-Западного фронта, то здесь положение следующее:

а) у Крейзера (командующий 3-й армией. – *Авт.*) противник успокоился... уводит силы в коридор на Епифань;

б) у Городнянского (командующий 13-й армией. – *Авт.*) противник нажимает на Елец, видимо, хочет взять его. На левом же фланге Городнянского действия противника менее настойчивы. Там 6-я и 121-я стрелковые дивизии пока удерживаются на рубеже, прикрывающем железную дорогу, которая нам очень нужна для известных Вам (имеется в виду Ставка ВГК. – *Авт.*) целей;

³ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 59. Л. 91.

в) у Подласа (командующий 40-й армией. – *Авт.*) противник упорно обороняется под Тимом, но все же несколько пятится в сутки на 2–3 км. Здесь противник явно стремится к Касторной, что очень важно учесть. Противник стягивает сюда, т. е. к Тиму, части 75-й пехотной дивизии из Обояни, видимо, до ПП (пехотного полка), и этим окончательно ослабляет фронт против Гордова (командующий 21-й армией. – *Авт.*). Следовательно, наступать на него не будет. Подтверждением этому служит и тот факт, что противник отвел против левого фланга Гордова 239-ю пехотную дивизию на запад...

Сейчас известно, что в районе Змиев у противника образовался свободный коридор в 20–25 километров. Все это говорит о том, что противник продолжает считать нас малоэнергичными, сам идет на риск (вынужденный обстановкой) усиливать Клейста из харьковской группировки. С московского направления, естественно, он ничего не может взять для этой цели.

Все, вместе взятое, позволяет нам смело заняться разгромом ливненской группы и одновременно перейти к активным действиям на харьковском направлении...»⁴

Вывод напрашивался сам собой, и 4 декабря С.К. Тимошенко вместе с членом Военного совета направления Н.С. Хрущевым, докладывая обстановку в Ставку ВГК, в самых общих чертах коснулись замысла предстоявшей операции. Сохранилась запись переговоров с заместителем начальника Генерального штаба А.М. Василевским.

«Василевский. Здравствуйте, товарищ маршал и товарищ Хрущев!

Тимошенко. Здравствуйте, товарищ Василевский! Мы хотели, чтобы Вы доложили товарищу Сталину о том, что основная группировка Южного фронта вышла на рубеж реки Миус. К 12.00 4 декабря Лопатин (командующий 37-й армией. – *Авт.*) занял восточную окраину Матвеева Кургана, а главная группировка Харитонов (командующий 9-й армией. – *Авт.*) в 3–4 километрах от Рязской. Очень плохо действует Ремизов (командующий 56-й отдельной армией, непосредственно подчиненной Ставке ВГК. – *Авт.*). Сейчас принимаю меры к более смелому выдвижению его правого фланга на Покровское для удара на юго-запад...

Из всех данных, которыми мы располагаем, видно, что силы противника на участке Дмитриевка, Таганрог сильно разгромлены. Части, более или менее боеспособные, удерживают фронт к северу от Дмитриевка до границы с Юго-Западным фронтом; на участке от Орджоникидзе до Чистяково расположены итальянские части, не способные не только к наступлению, но и к прочной обороне. В районе Чистяково участок от Грабовка до Дмитриевка занимается немецкими частями сильно потрепанной 188-й пехотной дивизии... Правее этой дивизии 49-й горнострелковый корпус в составе двух дивизий. Правее горнострелкового корпуса расположена первая мотодивизия словаков, которая вчера нами основательно потрепана; оставив почти всю свою артиллерию в наших руках и сдав Куйбышево, она отошла...

У нас подготовлена операция, и мы решили ее начать... ударом двух кавалерийских дивизий, двух стрелковых дивизий, бригадой НКВД, одним батальоном танков с фронта Фащевка, Никитино на Сердитое, Степановка с задачей выхода на рубеж реки Крынка, а группой Лопатина – до пяти стрелковых дивизий, двух танковых бригад, двух кавдивизий – из района северозападнее Матвеева Кургана на Амвросиевку... В это же время решено проводить на правом фланге у Коротеева частную операцию по овладению городом Каганович. До этого продолжаем решительные действия со стороны Матвеева Кургана, Ряженой в направлении Марьевки с задачей отбросить таганрогскую группу противника. После этого надо приводить в порядок части. Нами мыслится возможным... проводить активные операции на Южном фронте с тем, чтобы до подхода свежих резервов на этом направлении разгромить полностью силы противника, которыми он располагает, и очистить весь Донбасс с захватом города Сталино и на юге – Мариуполя...»⁵

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 59. Л. 91–94.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 607. Л. 13–14.

Спустя многие годы Н.С. Хрущев вспоминал: «...У нас зародилась идея провести наступательную операцию в районе Барвенково... Когда она была разработана, понадобилось доложить Москве – Сталину и Генеральному штабу, чтобы получить «благословение», а главное – нужное количество войск и средств. Нас с командующим вызвали в Москву, Сталин нас выслушал. Сделали доклады Тимошенко и начальник штаба Бодин. Мы получили «благословение», но, к сожалению, обеспечение, которое мы просили для наступления, получили далеко не полностью... Наметили операцию на январь 1942 года. Для ее проведения мы перенесли оперативный штаб поближе к линии фронта, чтобы иметь лучшую связь с войсками. Расположились в большом селе Сватово-Лучко»⁶.

Конечно же, районом Барвенково «идея» далеко не ограничивалась – на такую операцию частного характера «благословения» Верховного не требовалось. Но пенять тут на Хрущева особенно не приходится – зимняя наступательная операция была лишь эпизодом его биографии, да и диктовал он свои воспоминания по памяти, не обращаясь к архивным документам. А память, увы, иногда подводит.

«Добро» Сталина было получено, колесо закрутилось. В конечном итоге были выработаны директивы для Юго-Западного и Южного фронтов. Для последнего она гласила: «В соответствии с указаниями Ставки Верховного Главнокомандования приказываю Южному фронту приступить к подготовке операции, имеющей целью разгром 17-й армии противника, группы Шведлера⁷ и остатков восстанавливаемой бронегруппы Клейста с последующим выходом на Средний Днепр.

При подготовке к операции руководствоваться следующим:

а) замысел операции – ударом превосходящих сил с фронта Изюм, Нырково в общем направлении на Павлоград выиграть фланг и глубокий тыл войск противника, занимающих Донбасс и район Таганрога, отрезать им пути отхода на запад, прижав главную группировку противника к берегам Азовского моря, окружить и уничтожить ее во взаимодействии с остальными силами, наступающими с востока;

б) операцию провести в три этапа:

Первый этап – подготовительный. В период 1–12 января закончить пополнение и довооружение войск, их перегруппировку, материальное обеспечение и организацию наступления.

Второй этап – переход в наступление, форсирование р. Северский Донец, разгром частей 17-й армии и группы Шведлера, выход на рубеж Лозовая, Софиевка, Артемовка, Александровка, Скотоватая, Кутейниково, Носово. Продолжительность этапа – 7–8 дней.

Третий этап – окружение и разгром главной группировки противника к востоку от Днепра, захват переправ через реку у Запорожья и выход на фронт: Первое Мая, Сухачевка, Павловка, Б. Токмак. Продолжительность этапа – 15–16 дней;

в) для проведения операции иметь следующее оперативное построение сил: 57-ю армию (шесть сд, один ап РГК, три тбр) развернуть на фронте Каменка, Райгородок; 37-ю армию (шесть сд, семь ап РГК, две тбр) – (иск.) Райгородок, Нырково; 12-ю армию (пять сд, пять ап РГК) – (иск.) Нырково, Ильинка; 18-ю армию (пять сд, три ап РГК, одна тбр) – (иск.) Ильинка, (иск.) Куйбышево; 56-ю армию (пять сд, две сбр, три ап РГК) – Куйбышево, Приморское.

В полосе действий 57-й армии и на стыке последней с 37-й армией иметь для развития успеха два кавкорпуса, каждый трехдивизионного состава с приданной одной танковой бригадой.

Резервы:

⁶ Вопросы истории. 1990. № 11. С. 72.

⁷ Объединяла немецкие соединения, действовавшие в Донбассе.

9-ю армию (три стрелковые, две кавалерийские дивизии) сосредоточить в районе Меловатка, Новокрасненка, Епифановка, Мостки...»⁸

Были поставлены также задачи авиации, 18-й и 56-й армиям, продолжавшим занимать оборону. Подписали директиву Тимошенко, Хрущев, Баграмян.

На следующий день оперативная группа главкома вылетела на запасной КП Юго-Западного фронта, который возглавлял генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко. Туда же прибыли заранее вызванные командующие 38-й и 6-й армиями, командир 6-го кавалерийского корпуса. На совещании присутствовали также генералы М.А. Парсегов (начальник артиллерии направления), В.С. Тамручи (начальник бронетанковых войск) и Ф.Я. Фалалеев (командующий ВВС).

Приглашенных ознакомили с директивой главкома. Она обязывала Военный совет фронта подготовить операцию силами 38-й и 6-й армий. Целью ее было: разгром харьковской группировки противника и освобождение Харькова путем нанесения главного удара силами 6-й армии, соединений левого фланга 38-й армии в обход Харькова с юга и вспомогательного удара остальными силами 38-й армии в обход его с севера. Оставшимся силам Юго-Западного фронта предстояло продолжить наступление на курском направлении.

Конкретные задачи войскам фронта определялись следующим образом: 38-й армии (командующий генерал-майор А.Г. Маслов) в составе шести стрелковых дивизий, танковой бригады, авиационной группы (11 истребителей, 4 бомбардировщика, 12 легких бомбардировщиков) приказывалось нанести главный удар силами трех стрелковых дивизий в направлении на Чугуев, Харьков с ближайшей задачей овладеть Чугуевом и переправами через Северский Донец в районе этого города. В дальнейшем армия должна была при содействии войск, наступавших в обход Харькова с севера, освободить город.

6-й армии (командующий генерал-майор А.М. Городнянский) в составе шести стрелковых дивизий, двух артиллерийских полков РВГК, двух танковых бригад, авиационной группы (31 истребитель, 13 бомбардировщиков, 12 легких бомбардировщиков) надлежало нанести главный удар в направлении на Красноград. На армию возлагалась задача обеспечения войск Южного фронта от ударов противника с северо-запада.

6-й кавалерийский корпус, усиленный танковой бригадой, выделялся в подвижную группу для развития успеха наступления в полосе действий 6-й армии. В резерве за левым крылом фронта оставлялась стрелковая дивизия. Фронтная авиационная группа состояла из 21 истребителя, 11 штурмовиков, 14 бомбардировщиков, 35 легких бомбардировщиков.

Следует сказать, что боевые действия войск юго-западного направления предстояло проводить в сложных условиях. Прогноз погоды не радовал: синоптики обещали мороз в 25–30 градусов, сильные ветры и метели. Ландшафт этих краев – открытая всхолмленная равнина, в разных направлениях перерезанная балками. Наиболее значительным водным рубежом являлась р. Северский Донец, протекающая с северо-запада на юго-восток. Вдоль его берегов на некоторых участках и проходила линия фронта. Его правый (западный) берег почти на всем протяжении высится над левым. Это создавало трудности для атаки переднего края обороны противника, там, где он проходил по берегу реки. Она была скована льдом и представляла собой открытое, хорошо наблюдаемое и трудно преодолимое под огнем пространство. Лед не выдерживал больших грузов и для переправы тяжелых танков и орудий крупного калибра требовал усиления.

Район действий был покрыт довольно развитой сетью железных дорог. Большинство пересекали с севера на юг непосредственно линию фронта или ближайшие тылы, что делало их легко уязвимыми для артиллерии, бомбардировочной и штурмовой авиации противника. Здесь же пролегали всего две железнодорожные линии, которые могли быть использованы во

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 1–4.

время наступления с востока на запад: Красный Лиман – Славянск – Барвенково – Лозовая и Дебальцево – Макеевка – Красноармейское.

Сеть шоссейных и грунтовых дорог развита была достаточно хорошо, но все они также шли в меридиональном направлении, пересекая пути наступления войск. В качестве коммуникаций они могли быть использованы только на отдельных, незначительных по протяженности, участках. В зимних условиях для наступающих войск дороги становились труднопроходимыми. Маневренность сильно затруднял глубокий снежный покров. К тому же множество населенных пунктов и густота их размещения позволяли противнику организовать прочную оборону и глубоко эшелонировать свои силы и средства.

Вражеские опорные пункты имели между собой огневую связь. Пространство между ними патрулировалось автоматчиками. Там, где по условиям местности установить такую связь не было возможности, строились полевые укрепления – дзоты и блиндажи, приспособленные к зимним условиям. Несколько опорных пунктов, объединенных общей огневой системой, составляли узел сопротивления. На особо важных направлениях, в районах, прилегающих к крупным населенным пунктам, вблизи основных магистралей и путей противник создал укрепленные районы. Они были основой его оперативной обороны, сильными очагами сопротивления. Такими укрепленными районами, подготовленными к круговой обороне, являлись, прежде всего, Балаклея и Славянск.

Подступы к опорным пунктам густо минировались, усиливались проволочными заграждениями, которые также были заминированы. На опушках рощ, на просеках и в садах устраивались минированные завалы. Помимо инженерного оборудования главной полосы сопротивления противник создавал вторую оборонительную полосу с отсечными позициями.

При подготовке операции командование обоих фронтов столкнулось с большими трудностями. Необходимо было в сжатые сроки осуществить перегруппировку значительного количества войск. С левого крыла Южного фронта на правое одновременно перебрасывались 37-я и 9-я армии. Условия же для железнодорожных перевозок сложились крайне неблагоприятные. В течение четырех суток свирепствовала вьюга, перешедшая в настоящий ураган. Сила ветра достигала одиннадцати баллов. Пути занесло снегом, его покров достигал 80 сантиметров. На их расчистке круглые сутки, посменно, работали созданные команды, а также местное население. Как только вьюга стихла, начались систематические налеты вражеской авиации, поэтому в дневное время узловые станции и перегоны для пропуска и приема воинских эшелонов закрывали. Не меньшие трудности приходилось преодолевать и воинам, совершавшим перемещения по грунтовым дорогам.

И все же части обеих армий (правда, с опозданием) вышли в назначенные им районы сосредоточения. Затянувшаяся перегруппировка, ряд других причин вынудили Тимошенко перенести начало операции с 12 на 18 января.

К этому времени в основном завершилась и подготовка всех войск, привлекаемых к наступлению. Главная роль в нем отводилась соединениям Южного фронта. Его командование дало командармам подробные указания по ведению боевых действий, отметив наиболее характерные особенности организации вражеской обороны. Было подчеркнуто, что стрелковые части должны максимально использовать имеющиеся огневые средства и стремиться к рукопашной схватке, которую враг, как правило, не выдерживал. Рекомендовалось выбрасывать в глубину обороны противника танковые десанты, первым эшелонам полков и дивизий обходить опорные пункты противника и упорно продвигаться вперед. Уничтожение противника в опорных пунктах возлагалось на вторые эшелоны и резервы. Для отражения контратак и контрударов на их возможных направлениях командиры соединений должны были иметь в своем распоряжении резервы, и в первую очередь противотанковые. Танковые бригады, приданные на усиление армий, рекомендовалось применять в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, действия их прикрывать противотанковой артиллерией.

С целью создания на направлениях главных ударов каждой армии возможно большей плотности артиллерийского огня командование фронта рекомендовало артиллерийские полки Резерва Верховного Главнокомандования применять централизованно в масштабе дивизии, дивизионы гвардейских минометов подчинялись непосредственно командирам дивизий. Продолжительность артиллерийской подготовки устанавливалась в 30–40 минут, огонь должен был вестись по точно выявленным целям. Лишь в отдельных случаях разрешалось вести огонь по площадям.

Кавалерийские корпуса, усиленные танковыми бригадами, планировалось использовать для самостоятельных действий с задачами захвата узлов сопротивления, выхода в тыл и на коммуникации противника, избегая фронтальных атак крупных населенных пунктов.

В штабах соединений Южного фронта закипела работа. Была проведена тщательная рекогносцировка обороны противника, изучены условия для атаки ее переднего края, отработаны на местности вопросы организации наступления и взаимодействия стрелковых частей с танками, артиллерией и авиацией.

Не менее напряженно велась подготовка в 6-й армии Юго-Западного фронта, которую временно возглавил генерал-майор К.С. Москаленко. Ее штабу было известно, что в полосе предстоявшего наступления оборонялись 44-я и 298-я пехотные дивизии, а также отдельные части 68-й пехотной дивизии противника, усиленные артиллерией и примерно тридцатью танками. Немецкие войска создали сильную оборону: на подступах к узлам сопротивления проходили окопы полного профиля, имелись проволочные заграждения, в промежутках между узлами были установлены минные поля. В глубине обороны было еще два рубежа, один из которых тянулся по западному берегу Северского Донца, а другой – в 4–5 км от реки.

По данным штаба фронта, 6-я армия имела ощутимое превосходство по численности войск, артиллерии и танкам. Нельзя было, однако, исключать возможность быстрой переброски сюда вражеских резервов из-под Харькова, Балаклеи и особенно со стороны донбасской группировки. Итак, армии предстояло разгромить не только противостоявшие немецкие войска, но и отразить удары их оперативных резервов.

Исходя из целей и задач, поставленных перед армией, наличных сил и средств, ее командование решило нанести главный удар силами своего правого фланга, где были сосредоточены три стрелковые дивизии, две танковые бригады и большая часть артиллерии. Там же находился и 6-й кавалерийский корпус фронтового подчинения. Армии, нанося главный удар в направлении Савинцы, Алексеевка, предстояло прорвать оборону врага на участке Борщевка, Ивановка (16 км), с тем чтобы к исходу четвертого дня наступления выйти на рубеж Лагери, Грушеваха и обеспечить ввод в прорыв 6-го кавалерийского корпуса. На девятые сутки армия должна была выйти на рубеж р. Орель. Две левофланговые дивизии предназначались для ликвидации изюмской группировки противника.

Соединения 6-й армии осуществляли непрерывную разведку боем вражеской обороны, вели бои за улучшение исходного положения. 11 января им удалось овладеть важными в тактическом отношении населенными пунктами Савинцы, Довгалевка и Морозовка. 14 января части 411-й стрелковой дивизии под командованием полковника М.А. Песочина скрытно переправились через реку и захватили плацдарм на западном берегу Северского Донца. Оценив важное значение этого плацдарма, маршал С.К. Тимошенко дал указание командующему армией о немедленном сооружении здесь переправ для танков и артиллерии крупных калибров.

В эти дни в 6-ю армию прибыл новый командующий – генерал-майор Авксентий Михайлович Городнянский. Сорокапятилетний командарм имел солидный боевой опыт. Он участвовал в Первой мировой войне, в Красную Армию вступил в 1918 г., отличился в боях Гражданской войны, Великую Отечественную начал, командуя 129-й стрелковой дивизией, которая активно участвовала в обороне Смоленска. За успешное руководство ее боевыми действиями

А.М. Городнянский был назначен командующим 13-й армией, умело командовал ею в Елецкой наступательной операции войск Юго-Западного фронта.

В отличие от 6-й армии подготовка к наступлению в соединениях 38-й армии, по оценке Военного совета и штаба фронта, не была столь целеустремленной и качественной. Ради справедливости нельзя не сказать, что сил у командарма-38 генерала А.Г. Маслова для наступления на харьковском направлении было недостаточно – ведь там противник создал сильные оборонительные рубежи и располагал достаточными возможностями, чтобы отразить наступление.

13 января Тимошенко, Хрущев и Баграмян прибыли в Старобельск на вспомогательный пункт управления Южного фронта. Заслушав информацию Малиновского о положении соединений на занимаемых ими рубежах, последних данных разведки, маршал ознакомил присутствующих с общей обстановкой на советско-германском фронте, ближайшими планами Ставки ВГК: «Завершается контрнаступление под Москвой. Противник отброшен от столицы на 100–250 км. Освобождено более одиннадцати тысяч населенных пунктов. Нанесено поражение тридцати восьми вражеским дивизиям. Ставка приняла решение о переходе советских войск в общее наступление под Ленинградом, на западном и юго-западном направлениях. На нашего правого соседа возлагается задача по разгрому главных сил группы армий «Центр». Для ее решения привлекаются войска Калининского, Западного и Брянского фронтов».

Затем главком определил ближайшие задачи по завершению подготовки. Военным советам фронтов предлагалось установить тесную связь с партизанами.

На первом этапе наступательной операции главная роль отводилась 57-й армии, к 16 января прибывшей в район Старобельска из-под Сталинграда. Ею командовал генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Рябышев. В свои сорок восемь лет он успел пройти рядовым Первую мировую войну, в 1918 г. стал красноармейцем. Начав Гражданскую войну командиром взвода, закончил ее командиром бригады 1-й Конной армии, затем командовал кавалерийскими дивизиями, закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. В конце июня 1941 г. 8-й механизированный корпус под его командованием выдержал тяжелые бои с противником в Западной Украине. В июле Рябышев возглавил 38-ю армию, в августе – Южный фронт, а с октября стал командующим 57-й армией.

К началу операции в состав армии входили шесть стрелковых дивизий, три танковые бригады, два тяжелых артиллерийских полка и гаубичный артиллерийский полк, три дивизиона гвардейских минометов. Перед ней оборонялись 257-я и 295-я немецкие пехотные дивизии. В районе Славянска разведкой отмечалось сосредоточение еще одной пехотной дивизии. После прорыва обороны противника войска должны были овладеть Барвенково и выйти на железнодорожную линию Славянск – Лозовая.

Главный удар армия наносила правым флангом с рубежа Каменка, Студенок в направлении на Барвенково силами четырех стрелковых дивизий, трех танковых бригад при поддержке основной массы артиллерии РВГК. Ударная группа армии строилась в два эшелона. Первый из них состоял из трех стрелковых дивизий и танковой бригады. Две танковые бригады, сведенные в особую группу, выделялись во второй эшелон; одна стрелковая дивизия составляла резерв командарма. Вспомогательный удар наносился на левом фланге армии силами двух стрелковых дивизий.

Генерал Баграмян, которому командарм доложил свое решение на наступление, отметил его грамотность в оперативном отношении, но вместе с тем обратил внимание на то, что выделение двух танковых бригад в особую группу для самостоятельных действий в условиях глубокого снежного покрова, сильной обороны противника слишком рискованно. К тому же для этой группы был задуман очень сложный маневр, в ходе которого ей предстояло вступить в сражение в глубине вражеской обороны, в отрыве от стрелковых дивизий. Целесообразнее две бригады из трех использовать для непосредственной поддержки пехоты, наступавшей в первом эшелоне на направлении главного удара. Это гарантировало бы надежность прорыва обороны

на всю ее глубину. Третью же бригаду следовало придать одной из стрелковых дивизий второго эшелона, что обеспечило бы ей успешное наступление в глубине расположения противника. С этим предложением генерал Рябышев согласился.

Оставшиеся до наступления дни маршал Тимошенко посвятил дальнейшей доработке плана операции, контролю и оказанию помощи войскам. Активно решались вопросы тылового обеспечения. Хорошо развитая в этом районе Донбасса сеть железных дорог позволила выделить для каждой армии определенную железнодорожную станцию. Дивизии первого эшелона армий снабжались с помощью выдвинутых вперед так называемых железнодорожных летучек. Расчищать и содержать грунтовые дороги в надлежащем состоянии было не под силу одним саперам, для этого пришлось привлекать личный состав стрелковых частей и местное население. Для проведения операции отпускалось два боекомплекта боеприпасов и до десяти заправок горючего.

17 января оперативная группа направления, штабы Юго-Западного и Южного фронтов еще раз уточнили имевшиеся данные, проведенные расчеты. В справке, представленной главному, отмечалось, что на 20 часов 17 января войска ударной группировки сосредоточились в районах, намеченных планом. Не закончили полностью сосредоточение лишь части 9-й армии.

«Перед фронтом ударной группировки находятся следующие части противника: против 6-й армии – 44-я пехотная дивизия, 188-й полк 68-й пехотной дивизии и 298-я дивизия немцев, входившие в состав 17-й армии. Против 57, 37 и 12-й армий находятся 257-я и 295-я пехотные дивизии той же армии, группа Шведлера в составе 76, 94, 116, 97, 91, 111 и 116-й пехотных дивизий, а также 9, 52 и 3-я пехотные дивизии из состава итальянского экспедиционного корпуса. В ближайших резервах действуют: до пехотной дивизии в районе Лозовая, до двух пехотных дивизий – в районе Славянск, Краматорск, до пехотной дивизии – в районе Константиновка...

Соотношение сил на фронте 6-й армии благоприятное: личный состав – 2: 1, винтовки – 5,2: 1, автоматы – 1: 1,5, пулеметы – 1,5: 1, танки (армия имеет 64, у противника не выявлены)...

По данным штаба Южного фронта, у противника перед 57, 37 и 12-й армиями – до 700–800 орудий и 150–200 танков. Сосредоточиваемая на данном направлении ударная группировка фронта, учитывая и действующую на данном направлении 12-ю армию, позволяет иметь полуторное – двойное превосходство в пехоте, абсолютное превосходство в коннице, незначительное превосходство в танках, авиации и артиллерии...»⁹

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 59. Л. 17.

Барвенково-Лозовская операция 18–31 января 1942 г.

Итак, на рассвете 18 января после 30-минутной артиллерийской подготовки соединения ударной группировки двинулись вперед. Стояла ясная морозная погода. Вопреки ожиданиям, наступление шло медленно. Враг ожесточенно сопротивлялся.

Сложно развивались события в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта. Ее правобережная 253-я стрелковая дивизия, которой командовал В.К. Урбанович, практически не имела успеха. Все попытки ее частей продвинуться вперед были тщетны: враг удерживал сильно укрепленный опорный пункт Борщевое. 19 января безуспешно закончилась и повторная атака, предпринятая после перегруппировки сил и передачи дивизии из армейского резерва 13-й танковой бригады. Не овладев ни Вербовкой, ни Балаклеей, части понесли большие потери. Было решено с 20 января отдать приказ о переходе их к обороне.

337-я стрелковая дивизия под командованием полковника С.М. Бушева с рассветом первого дня наступления подверглась налетам авиации, на нее двинулись танки противника. Неоднократные атаки рубежа Морозовка, Ольховатка успеха не имели. Однако на следующий день полковник Бушев сконцентрировал усилия на левом фланге, и части дивизии энергичным ударом овладели Жуковкой, а к исходу 20 января с боем заняли Волобуевку и несколько более мелких населенных пунктов. На правом фланге дивизия также встретила сильное огневое сопротивление, но, преодолев его, с ожесточенными боями 20 января заняла Шуровку. Таким образом, на своем левом фланге она прорвала оборону противника, разгромила 131-й полк 44-й пехотной дивизии врага и за четыре дня с боями продвинулась на глубину до 10 км. Однако соседняя справа 253-я дивизия застряла перед узлом сопротивления Балаклея.

411-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник М.А. Песочин, наступавшая при поддержке 7-й танковой бригады, несмотря на сильное огневое сопротивление противника, расширила плацдарм на западном берегу Северского Донца и с утра 19 января продолжила продвижение в общем направлении на Чепель. Оборона врага была прорвана, 188-й полк 68-й пехотной дивизии врага понес тяжелые потери, и его остатки поспешно отходили в юго-западном направлении. Для их ликвидации полковник Песочин бросил подвижные отряды лыжников. Они наносили удары с флангов и с тыла, организовывая при этом засады.

Успех дивизии использовали ее соседи. В результате этого сопротивление противника на флангах резко ослабло. В итоге четырехдневных упорных боев на направлении главного удара соединения 6-й армии взломали оборонительную систему врага на всю глубину, разгромили 44-ю и 298-ю немецкие пехотные дивизии, а также один полк из состава 68-й пехотной дивизии.

Неплохих результатов добились и соединения левого фланга 6-й армии – 393-я стрелковая дивизия под командованием полковника И.Д. Зиновьева, 270-я стрелковая дивизия под командованием полковника З.Ю. Кутлина. С выходом их частей на рубеж Протопоповка, Петровская, Грушеваха завершился разгром изюмской группировки противника.

Таким образом, на первом этапе операции 6-я армия не только успешно выполнила поставленные перед ней задачи, но и прочно обеспечила правый фланг ударной группировки Южного фронта от ударов противника с северо-запада. Это означало, что удачно начавшееся наступление армии окажет положительное влияние на дальнейшее планомерное развитие операции в целом. Вместе с тем прорыв обороны немецких войск, разгром 44-й и 298-й пехотных дивизий врага создали благоприятные условия для ввода в сражение 6-го кавалерийского корпуса.

В целом планомерно развивалось наступление в полосе 57-й армии. В итоге четырехдневных кровопролитных боев ее частям и соединениям удалось на направлении главного удара преодолеть тактическую зону обороны противника на всю ее глубину и к исходу 21 января выйти на линию Великая Камышеваха, Базалеевка, Морозовка, Маяки, Райгородок, продвинувшись своей ударной группировкой на глубину до 23 км. Создались условия для ввода в прорыв подвижной группы фронта, состоявшей из 1-го и 5-го кавалерийских корпусов. На славянском направлении, где небольшими силами наносился вспомогательный удар, продвижение было незначительным.

Медленно развивалось наступление в полосе 37-й армии. Несмотря на мужество и героизм личного состава, частные успехи нескольких ее соединений, задачи, поставленные перед армией, не были выполнены. Тем не менее и здесь удалось нанести серьезное поражение 295-й и 76-й немецким пехотным дивизиям, сковать резервы противника в районе Краматорска.

12-я армия, имея незначительный боевой состав, наступала на вспомогательном направлении, южнее 37-й армии. В период с 18 по 21 января она безуспешно пыталась прорвать сильную оборону противника и развить наступление в направлении на Дзержинск. Войска действовали активно и настойчиво, но им удалось добиться лишь небольших успехов, сковать силы врага, находившиеся против них, а также его ближайшие резервы, расположенные в районах Горловки и Орджоникидзе.

Наступление 38-й армии Юго-Западного фронта на ее правом фланге в обход Харькова с северо-востока с самого начала не получило развития. Правофланговые соединения, пройдя с тяжелыми боями около 10 км, освободили ряд населенных пунктов северо-восточнее города, но дальше продвинуться не смогли. Этим воспользовалось немецкое командование, чтобы перебросить войска из района Харькова к Балаклею.

Следовательно, 6-я армия, наступавшая, по существу, на вспомогательном направлении, достигла наибольших успехов, продвинувшись на левом фланге на 30 км в глубину обороны противника. В связи с этим направление, на котором она наступала, приобрело важнейшее оперативное значение. Результативным оказалось и продвижение 57-й армии. В ходе их успешного наступления немецкие войска, действовавшие в полосе этих армий, были разгромлены. Создались благоприятные условия для ввода в прорыв подвижных групп фронтов.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, врагу все же удалось на флангах прорванного участка обороны протяжением более 75 км – справа в районе Балаклеи и слева в районе Славянска – отразить наступление советских войск, сохранить за собой Балаклею и Славянск – эти своеобразные «полевые крепости», которые могли приобрести роль плацдармов для нане-

сения контрударов по флангам и тылу ударных группировок 6-й и 57-й армий. Требовалось как можно быстрее ликвидировать эти очаги вражеской обороны.

Маршал Тимошенко приказал генералу Городнянскому совместными действиями двух правофланговых дивизий – одной с востока, другой с юго-востока и юга – при поддержке фронтовой авиации нанести сильный удар по Балаклею и овладеть ею, а трем остальным дивизиям продолжать преследование противника, начавшего отход в западном направлении. Р.Я. Малиновский получил распоряжение смежными флангами 57-й и 37-й армий решительно атаковать Славянский укрепленный район и захватить его, а главными силами 57-й армии и вводимыми в прорыв 5-м и 1-м кавалерийскими корпусами развивать успех в южном направлении во фланг и тыл донбасской группировки. Авиация обоих фронтов должна была массированными ударами содействовать войскам в овладении Балаклеей и Славянском, не допуская подхода к ним вражеских резервов из глубины.

В последующие дни в полосе наступления советских войск развернулись ожесточенные бои. Особого накала они достигли в районе Балаклеи. Частям 253-й стрелковой дивизии полковника В.К. Урбановича 23 января удалось прорваться к железнодорожной станции, 337-я стрелковая дивизия полковника С.М. Бушева, с приданной ей 7-й танковой бригадой полковника И.А. Юрченко, вышла на ближние подступы к городу с юга. Балаклея оказалась почти полностью окруженной, ее гарнизон сохранял связь с основными силами только по узкой полосе местности, пролежавшей в районе опорных пунктов в Вербовке и Яковенково. «Насколько ожесточенные бои шли на участке фронта под Балаклеей, – пишет немецкий военный историк П. Карель, – свидетельствует тот факт, что полковник Бойс (командир 134-го полка 44-й пехотной дивизии. – *Авт.*) лично и его штаб неоднократно отбивались в ближнем бою пистолетами и ручными гранатами. В конце концов русский лыжный батальон достиг важной дороги Балаклея – Яковенково на южном фланге боевой группы и закрепился в огромных соломенных скирдах. Бойс атаковал его со своим последним резервом, чтобы избавить боевую группу от смертельной опасности окружения. Русские не сделали ни шагу назад. Они все еще отстреливались из подожженных пикировщиками скирд и бились до последнего»¹⁰.

Штаб фронта с минуты на минуту ждал сообщения о падении Балаклеи. Однако самоотверженные атаки не увенчались полным успехом, ибо враг снял до четырех пехотных дивизий из района Харькова и перебросил их к Балаклею, создав большое численное превосходство. К тому же удары советской авиации оказались недостаточно действенными.

Между тем на левом фланге армии ее главные силы, отражая многочисленные контратаки врага, с кровопролитными боями успешно продвигались на запад и освобождали один населенный пункт за другим. Наступило время ввода в прорыв 6-го кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора А.Ф. Бычковского в составе 26, 28 и 49-й кавалерийских дивизий и 5-й гвардейской танковой бригады в направлении Алексеевского. Получив команду, кавалерийские дивизии устремились в прорыв и начали преследовать отходившие в направлении Алексеевского части противника. Вскоре, однако, их темпы резко снизились. Алексеевское было сильно укреплено, и бои к исходу 23 января приняли напряженный характер. Кавалеристы вынуждены были спешиться, вести уличные бои, а затем в конном строю атаковать врага, засевшего в Сиваше и на железнодорожной станции Лихачево. В итоге боевые действия корпуса, невзирая на неоднократные налеты вражеской авиации, закончились успешно. 24 января конники, захватив разъезд Белявка, перерезали железнодорожную линию Лозовая – Харьков.

Тем временем за три дня главные силы 6-й армии продвинулись еще на 35–40 км. Все попытки немецкого командования сдержать их срывались, оно вынуждено было вводить в сра-

¹⁰ Carell P. Unternehmen Barbarossa. II. West Berlin. 1968.

жение резервы из глубины. Однако балаклеийский узел сопротивления ликвидировать не удалось.

В полосе наступления Южного фронта к исходу 21 января тоже создались условия для ввода в прорыв подвижной группы, состоявшей из 5-го и 1-го кавалерийских корпусов. 5-й кавкорпус генерал-майора А.А. Гречко в составе 34, 60 и 79-й кавалерийских дивизий и 132-й танковой бригады имел задачу с утра 22 января войти в прорыв в общем направлении Малая Камышеваха, Барвенково, овладев ими, прорваться в глубокий тыл противника, противостоявшего 37-й и 12-й армиям. 1-й кавкорпус генерал-майора Ф.А. Пархоменко в составе 35, 36 и 68-й кавалерийских дивизий и 15-й танковой бригады должен был войти в прорыв в общем направлении Долгенькое, Василевка и далее, на юго-восток, для удара во фланг славянской группировки немецких войск.

К моменту ввода в прорыв кавалерийских корпусов три правофланговые дивизии 57-й армии (341, 351 и 255-я) выбили противника с занимаемых рубежей и продолжили наступление. На всем остальном участке фронта соединения армии встретили ожесточенное сопротивление противника, прочно закрепившегося на позициях Славянского укрепленного района. Линия фронта, достигавшая в исходном положении 58 км, увеличилась почти вдвое. Все дивизии армии были введены в сражение, резервов не оставалось.

Начавшие наступление соединения 5-го кавалерийского корпуса уже во второй половине дня вышли на ближние подступы к Барвенково. Кровавопролитные бои на его улицах продолжались до конца дня 23 января. Поздно вечером штаб фронта получил донесение от генерала Гречко: «... В итоге двухдневных боев корпус во взаимодействии со стрелковыми и танковыми частями к исходу 23 января овладел важным узлом сопротивления, неприятельской тыловой базой армейского значения, узлом шоссейных и железных дорог г. Барвенково»¹¹.

Корпус понес сравнительно небольшие потери, трофеи же, захваченные при освобождении города, были довольно внушительные: 261 автомашина, 19 орудий, 2 танка, 8 ранцевых огнеметов, 4 зенитные установки, 30 000 снарядов, склады продовольствия, боеприпасов и авиабомб, 160 вагонов с военным имуществом. Враг оставил на поле боя более 400 трупов солдат и офицеров.

Одновременно с кавалеристами генерала Гречко к активным наступательным действиям перешел и 1-й кавалерийский корпус. Глубокой ночью 22 января его передовые части прорвались западнее Долгенького, а к полудню продвинулись за Боброво и Дубовку, наступали на Курульку.

В эти дни напряженных, до предела ожесточенных боев решался чрезвычайно важный вопрос: когда, на каком направлении и с какой задачей следует ввести в сражение резерв Главнокомандующего юго-западного направления – 9-ю армию под командованием генерала Ф.М. Харитонова, имевшую в своем составе две стрелковые, две кавалерийские дивизии и две стрелковые бригады.

Освободив Барвенково, советские войска поставили противника в тяжелое положение. Это, как позже стало известно, сильно обеспокоило немецкое командование. Начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал 24 января в своем дневнике: «... В 17-й армии творится безобразие. За три дня боев фронт прорван на двух участках... Оба эти прорыва соединились в одну громадную брешь. Противник поставил под угрозу железнодорожное сообщение между 1-й танковой и 17-й армиями... Предстоят весьма тяжелые дни, прежде чем удастся сдержать натиск противника...»¹²

По мере продвижения войск Южного фронта внимание командования все в большей степени привлекал очаг сопротивления в районе Славянска. Находясь на смежных флангах 57-й

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 61. Л. 18.

¹² Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 180.

и 37-й армий, он ограничивал возможности перерастания тактического успеха в оперативный. Вопрос о ликвидации этого очага встал еще и потому, что, находясь на фланге дивизий 57-й армии, он создавал угрозу их коммуникациям и связывал левофланговые дивизии этой армии и дивизии правого фланга 37-й армии.

Бывший начальник штаба 38-й армии С.П. Иванов впоследствии так оценил создавшуюся обстановку: «...Стоит отметить, что в ходе Барвенково-Лозовской операции войска 6-й и 57-й армий сделали довольно глубокую вмятину в обороне армий «Юг», но горловина этой вмятины оказалась весьма узкой, ограниченной мощными опорными пунктами немцев в Балаклее на севере и в Славянске на юге. Задача состояла в том, чтобы расширить эту горловину, улучшить оперативное положение войск в барвенковском выступе, ибо он сулил возможность развития успеха как на харьковском, так и на донбасском направлениях. При сохранении же такой тесной горловины мешок легко мог быть «завязан» противником, и две наши армии оказались бы в ловушке.

Вызволить их можно было лишь ударом извне, для чего потребовались бы крупные подвижные силы и авиация»¹³.

Принимая все это во внимание, главком направления изменил ранее принятое решение. Утром 24 января армия под командованием генерала Ф.М.Харитонов был передана в подчинение командующего войсками Южного фронта. Генералу Р.Я.Малиновскому было приказано усилить ее двумя стрелковыми дивизиями, танковой бригадой и артиллерийскими частями, обеспечив ее ввод в сражение в стык 37-й и 57-й армий.

В отличие от своих более именитых коллег сороклетний командующий 9-й армией Федор Михайлович Харитонов не имел такого солидного боевого опыта Первой мировой и Гражданской войн. Во время последней сын рабочего-котельщика из Рыбинска участвовал в подавлении ярославского мятежа эсеров, рядовым бойцом четыре месяца сражался в 25-й стрелковой дивизии, по ранению был демобилизован, но весной 1920 г. добился отправки на фронт. Снова ранение и заключение медицинской комиссии: «К строевой службе не годен». Спустя два года опять добился своего и вернулся в армию. До 1930 г. служил в различных военкоматах, после окончания курсов усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» шесть лет командовал стрелковым полком. В служебной аттестации отмечалось: «Тактически подготовлен. Много работает над собой. Волевой, энергичный командир. Умело руководит партийной организацией».

Проработав два года начальником штаба дивизии, короткое время – начальником штаба корпуса, он затем служил в штабе Московского военного округа, в 1941 г. закончил курсы высшего начальствующего состава Академии Генерального штаба. В выводах выпускной аттестации значилось: «Курс обучения усвоил с оценкой «отлично». Решения принимает и глубоко продуманные, и веско обоснованные. Легко и быстро разбирается в сложной армейской операции».

Войну Харитонов встретил командиром воздушно-десантного корпуса, в июле получил назначение на должность заместителя начальника штаба Южного фронта, в сентябре возглавил 9-ю армию. Его боевой соратник – член Военного совета армии К.В. Крайнюков – спустя долгие годы вспоминал об их первой встрече: «Конкретность суждений командующего, ясное понимание причин предшествующих неудач невольно внушали уверенность, что 9-й армией руководит твердый, умный, хорошо разбирающийся в военном деле человек. Все последующие события подтвердили мое впечатление об этом замечательном военачальнике»¹⁴.

Эти слова не были преувеличением. Столкнувшись впервые под Мелитополем со своим противником Клейстом, Харитонов смог нанести чувствительный удар его войскам, умело

¹³ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 202.

¹⁴ Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 72.

вывел свои части из окружения под Мариуполем. В начале ноября в ходе оборонительного сражения на ростовском направлении он искусно организовал глубокую противотанковую оборону, и многократно превосходящий по силам и средствам 9-ю армию противник не смог преодолеть ее, потеряв в ожесточенных боях около 150 танков, почти 9 тыс. солдат и офицеров. Попытка Клейста овладеть Ростовом ударом с севера была сорвана.

Итак, Харитонов ожидал, что его армия будет введена в сражение там, где обозначится наибольший успех, и был готов к этому. Но последовало распоряжение – захватить Славянск. Город лежал на возвышенности, склоны которой покрыты лесом. В недавнем прошлом это был город-курорт, здравница донецких шахтеров. Сейчас – мощный узел вражеской обороны, бой за который соединения 37-й армии вели вот уже шестые сутки.

Перед 9-й армией стояла крайне сложная задача – прорвать вражескую оборону. Командующий понимал, что проделать в ней брешь можно лишь надежным огневым поражением противника в сочетании с мощным ударом всех войск либо хитростью. Сил, достаточных для прорыва, не было. Следовательно, нужно все-таки как-то перехитрить врага. И он рискнул. Вызвав командира 51-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф.Г. Филиппова, Харитонов поставил ему задачу создать из добровольцев сводный отряд и ночью по узкой лесной ложине, покрытой глубоким снегом, просочиться в город.

С рассветом группа бойцов вышла на окраину Славянска и, с ходу уничтожив боевое охранение противника, заняла несколько домов. Однако вовремя нарастить успех не удалось. Исчез фактор внезапности. Все пришлось начинать сначала.

Прорыв проходил тяжело и по многим другим причинам. Прежде всего – поспешная его организация, слабое огневое подавление противника. Оказывали влияние и сложные условия местности. Танки «Т-60» с большим трудом преодолевали глубокий снежный покров, часто останавливались и быстро выходили из строя. Из-за разбушевавшейся метели задерживался подвоз боеприпасов и горючего. Авиация также не смогла оказать эффективной поддержки наземным войскам.

Продвинувшись на глубину 5–7 км и овладев пригородами Славянска, соединения армии вынуждены были отражать контрудар подошедшей из Донецка 100-й пехотной дивизии противника, усиленной танками. Бои приняли затяжной характер. В последний день января генерал Харитонов получил приказ закрепиться на достигнутом рубеже. Неудачными оказались также попытки 6-й и 38-й армий по овладению Балаклеей.

Ярким эпизодом последних дней операции стали бои 270-й стрелковой дивизии под командованием полковника З.Ю. Кутлина за Лозовую – крупный железнодорожный узел, через который вражеское командование питало и пополняло свои войска на этом участке фронта. Поэтому Лозовую и прилегавший к ней район противник особенно тщательно подготовил к обороне и спешно стягивал сюда резервы, пополняя свои сильно потрепанные 298-ю и 68-ю пехотные дивизии.

В основу предстоявшей атаки дивизии была заложена идея смелого маневра и нанесения решительных ударов с разных направлений. В ночь на 26 января части дивизии заняли исходное положение и с рассветом начали наступление. Подразделения врага, находившиеся на переднем крае, пытались сдержать натиск, но безуспешно. Советские части быстро продвигались вперед. В результате смелого маневра и решительного наступления гарнизон Лозовой оказался в окружении. Противник ожесточенно сопротивлялся – каждую улицу, каждый дом приходилось брать с боем. К 7 часам 27 января Панютино, Екатериновка, Лозовая и их окрестности были полностью очищены от врага. Он потерял убитыми более 600 солдат. Нашими войсками было взято в плен 25 солдат и офицеров, захвачено 21 орудие, 2 танка, 50 минометов, 100 пулеметов, 18 груженых военным имуществом железнодорожных эшелонов, сотни вагонов, десять армейских складов с различным военным имуществом, два больших склада с боеприпасами.

Успешно действовал 5-й кавалерийский корпус. Достигнув к исходу 28 января рубежа Сергеевки, он «навис» над жизненно важными для немецких войск железнодорожными линиями Красноармейское – Павлоград, Красноармейское – Чаплино.

К сожалению, были не только успехи. Если кавалеристы генерала Гречко, с ходу нанеся мощный удар по врагу, уже 27–28 января прорвались на 40 км в глубину его расположения, то остальные силы, которые должны были взаимодействовать с 5-м кавкорпусом, в эти дни не добились успеха, хотя и проявили немало примеров подлинного героизма.

31 января операция, получившая название Барвенково-Лозовской, закончилась. На совещании, состоявшемся в первых числах февраля, ее итоги подвел маршал Тимошенко. Было отмечено, что войска Юго-Западного и Южного фронтов не только прорвали сильную оборону врага, но и разгромили 298, 68 и 257-ю пехотные дивизии, 236-й противотанковый полк и 179-й пехотный полк, венгерский кавалерийский полк, штаб 257-й дивизии. Были захвачены знамена 457-го и 516-го пехотных полков. Кроме того, было нанесено значительное поражение частям 44-й, 295-й пехотных дивизий и частям 62, 76 и 94-й дивизий. За время операции противник потерял свыше 36 тыс. солдат и офицеров убитыми и несколько сот пленными¹⁵.

Соединения трех армий и кавалерийские корпуса на 120-километровом фронте продвинулись более чем на 90 км, освободили свыше четырехсот населенных пунктов, овладели важным железнодорожным узлом – Лозовая и тыловой базой 17-й немецкой армии Барвенково, нарушили железнодорожное сообщение по линии Харьков – Донбасс через Лозовую. Для ликвидации этого прорыва командование немецкой армейской группы «Юг» израсходовало все свои резервы. Советские войска захватили 658 орудий, 40 танков и бронемашин, 843 пулемета, 331 миномет, 513 мотоциклов, 1095 велосипедов, 23 радиостанции, свыше 100 тыс. мин, около 80 тыс. снарядов, более миллиона патронов, 23 тыс. ручных гранат, восемь эшелонов с военнo-хозяйственными грузами, 2400 подвод, 2800 лошадей. В числе трофеев были 261 автомашина и 160 вагонов с военным имуществом¹⁶.

Бывший полковник 6-й немецкой армии В. Адам, вспоминая период Барвенково-Лозовской операции, писал: «Кое-кто из строевых офицеров был настроен мрачно. У многих солдат не осталось и следа от прежнего подъема, от веры в победу, воодушевлявшей их в первый год войны. Достоверно было одно: Гитлер и главное командование сухопутных сил сознательно или невольно лгали, когда бахвалились перед всем миром, что Красная Армия разбита. Разбитая армия не может без передышки атаковать в разных местах посреди зимы»¹⁷.

И все же войска юго-западного направления, как отметил главком, своих задач выполнить не смогли. Причин неполного выполнения задач было немало. Основные из них сформулировал маршал Тимошенко: «Первая причина – наши ограниченные удары и маневренные возможности, в результате чего противник упреждал нас в наращивании усилий. Отсутствие оперативных резервов затрудняло развитие успеха. Вторая причина – наш просчет в отношении ввода в сражение 9-й армии. Ее, вероятно, нужно было использовать в полосе 57-й армии... Третья причина заключается в том, что мы еще не научились бить сильного противника. Неудовлетворительно решалась задача огневого поражения. Артиллерия слабо маневрировала на поле боя. Не лучшим образом действовали и наши кавалеристы. А враг упорно сопротивлялся и удерживал свои фланги. Вместе с тем хочу особо подчеркнуть, что командиры и красноармейцы воюют в основе своей грамотно, дерутся с врагом храбро».

Спустя годы Н.С. Хрущев писал в своих воспоминаниях: «...Мы, достаточно быстро продвинувшись вперед, заняли Лозовую, затем пошли дальше на северо-запад и юго-запад, на довольно большую глубину. К сожалению, свои фланги противник удержал. На левом фланге

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 628. Л. 226.

¹⁶ Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М., 1976. С. 395.

¹⁷ Адам В. Трудное решение. Пер. с нем. М., 1967. С. 25.

нашей наступавшей группировки немцы удержались в районе Славянска. Свой левый фланг, у Балаклеи, они тоже удержали. Таким образом, получилась вдававшаяся в позиции противника дуга с небольшим разводом концов при значительной ее глубине на запад. Мы тогда радовались, что получили такие возможности, и надеялись эту дугу, как говорится, разогнуть, чтобы расширить плацдарм. У нас появилась заманчивая идея к весне 1942 года освободить Харьков. Но операция была приостановлена, потому что мы уже выдохлись и не могли дальше наступать... Перешли мы к обороне, прекратив наступательную операцию»¹⁸.

Рассматривая перспективы на будущее, Тимошенко все больше склонялся к необходимости подготовки и проведения крупной наступательной операции на окружение с решительными целями. «Подкопим силы, подготовим войска, если поможет Ставка – создадим две сильные группировки и ударим по войскам фон Бока, этого мастера глубоких охватов, с севера, со стороны Волчанска, и с юга, из барвенковского выступа», – высказал свою затаенную мысль маршал вечером 18 февраля в кругу близких людей, собравшихся отметить его сорокасемилетие. И по всему чувствовалось, что мысль эта возникла не сейчас, не вдруг, а была выстрадана и продумана. Итак, родился замысел новой крупной операции.

¹⁸ Вопросы истории. 1990. № 11. С. 73.

Глава 2

Ставка против ставки: Центр или Юг?

В марте 1942 г. общее наступление Красной Армии постепенно затухало. Силы и средства для него иссякли, а резервы еще не были подготовлены. Войска перешли к обороне. Положение на советско-германском фронте временно стабилизировалось. Впервые за многие месяцы ожесточенных, непрерывных боев наступило относительное затишье.

Однако напряженный ритм работы Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, Наркомата обороны еще более возрос в связи с началом подготовки к летней кампании. Тщательно анализировалась обстановка на всех участках огромного фронта, состояние войск, подготовка резервов, возможности народного хозяйства по обеспечению армии и флота всем необходимым для ведения боевых действий и жизни, положение на транспорте и многое, многое другое.

Советские войска, изведав горечь отступления и радость первых побед, стали опытнее, организованнее. Возросла и их численность. За год войны количество стрелковых соединений увеличилось в полтора раза, общевойсковых армий – более чем вдвое. Начали создаваться воздушные армии, танковые корпуса. В основном перебазирование промышленных предприятий в восточные районы страны завершилось. Значительная их часть стала наращивать темпы выпуска военной продукции. Это позволило улучшить техническое оснащение войск, провести в Вооруженных силах ряд крупных мероприятий по их организационному совершенствованию. В действующую армию непрерывно поступала новая, более совершенная боевая техника. Однако преобладали еще легкие танки, самолеты устаревших конструкций. Красная Армия пока не достигла технического превосходства над врагом и по-прежнему уступала ему в маневренности.

Период относительного затишья на фронтах, предшествовавший летним сражениям, был заполнен напряженной боевой учебой войск. Осваивая новое оружие, повышая воинское мастерство, командный, политический и рядовой состав готовился к ожесточенным схваткам с врагом.

Весной 1942 г. советские войска были объединены в девять фронтов, две отдельные армии, Московскую зону обороны. Действия сухопутных войск поддерживали Северный, Балтийский и Черноморский флоты, военные флотилии и авиация воздушных армий. При этом войска Юго-Западного фронта оборонялись на участке от Ржева до Лозовой, а войска Южного фронта – от Лозовой до Таганрога.

Необходимо сказать, что немецкая армия в основном восполнила потери, понесенные в зимней кампании. Ее военное командование к весне 1942 г. увеличило состав войск, действовавших на советско-германском фронте, на тридцать пять дивизий. Войска получили пополнение в миллион человек. Общая численность немецких войск и войск союзников Германии составляла 6198 тыс. человек. На их вооружении имелось 56 941 орудие и миномет, 3229 танков и штурмовых орудий, 3395 боевых самолетов¹⁹. В этот же период советские Вооруженные силы насчитывали 5,1 млн человек, около 3,9 тыс. танков, примерно 45 тыс. орудий и минометов, почти 2,2 тыс. боевых самолетов²⁰. Таким образом, противник несколько превосходил советские войска по личному составу, орудиям и минометам, а также по авиации, уступая лишь в количестве танков.

¹⁹ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. М., 1975. С. 121.

²⁰ Там же.

Таковы исходные данные, которыми оперировало советское Верховное Главнокомандование, приступая к разработке стратегического плана действий Красной Армии на лето 1942 г. Разумеется, то, что касалось планов Германии и ее сателлитов, было строжайше засекречено, однако активная и самоотверженная работа наших разведывательных органов позволила иметь в целом относительно полное представление о противнике и его возможностях.

Планирование новой кампании и ее подготовка имели ряд особенностей, исходивших из своеобразия военно-политической обстановки, сложившейся к весне. Во-первых, не было твердой уверенности в открытии союзниками второго фронта. Во-вторых, союзники по антигитлеровской коалиции не полностью выполнили свои обязательства по ленд-лизу. Поэтому Советский Союз должен был рассчитывать только на себя. В-третьих, советское командование принимало в расчет мероприятия по значительной организационной перестройке и техническому перевооружению Красной Армии, а также по созданию крупных резервов. Наконец, существенное влияние на замыслы и планы оказали и прогнозы советской разведки в оценке сил и возможных действий противника.

Так, 18 марта 1942 г. военная разведка докладывала в Ставку: «...Подготовка весеннего наступления подтверждается переброской немецких войск и материалов. За период с 1.1 по 10.3 перебросено до 35 дивизий (фактически – около двадцати), непрерывно идет людское пополнение в действующие армии. Ведутся интенсивные работы по восстановлению железнодорожной сети на оккупированной территории СССР, идет усиленный завоз боевых и транспортных машин, боеприпасов, артиллерии. Не исключается, что решительное наступление немцев на Восточном фронте будет при одновременном выступлении Японии против СССР и нажиме со стороны немцев на Турцию с целью принудить ее к пропуску немецких войск на Кавказ... Немцы, не имея возможности произвести соответствующую перегруппировку сил на фронте, не смогут повторить наступление на широком фронте. Все усилия они сосредоточивают на подготовке последовательных операций: вначале с целью захвата Кавказа и Мурманской (Кировской. – *Авт.*) железной дороги, затем распространение операций к северу с задачей овладения городами Москвой и Ленинградом. Решением этих задач достигалась бы основная стратегическая цель – изоляция СССР от союзников, лишение его нефти, и если не разгром, то низведение его до степени, когда он теряет всякое значение. В этом основной замысел германского командования.

Центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере, при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы...»²¹ Как вывод в донесении отмечалось: «Германия готовится к решительному наступлению на Восточном фронте, которое развернется вначале на южном секторе и распространится в последующем к северу. Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий... Наиболее вероятный срок весеннего наступления – середина апреля или начало мая 1942 года».

Подобные сведения шли и по линии органов госбезопасности. 23 марта в Государственный Комитет Обороны поступила информация: «Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачи операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили провести наступление на север вдоль Волги. Немцы этим летом будут стремиться не только выйти к Волге и Каспийскому морю, но и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования делом престижа»²².

²¹ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. М., 1975. С. 112.

²² Там же.

Были и другие свидетельства того, что вражеское командование переносит центр тяжести борьбы на южное крыло советско-германского фронта. Однако сделать из этого должные выводы и принять соответствующие решения Ставке Верховного Главнокомандования было не просто. На то имелся целый ряд объективных и субъективных причин.

В ходе зимнего контрнаступления советских войск противник потерпел серьезные поражения и понес большие потери. Линия фронта на ряде направлений отодвинулась далеко на запад. Это вызвало естественное стремление развить успех, не дать врагу передышки и возможности собраться с силами, изменить обстановку и овладеть инициативой. В директивном письме ВГК от 10 января 1942 г., адресованном командованиям фронтов, Сталин так сформулировал эту идею: «Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»²³.

Но противник нашел силы для того, чтобы остановить наступление советских войск. Операции, проведенные в конце зимы – начале весны 1942 г., в том числе и на юге, не дали тех результатов, на которые рассчитывала Ставка. И если германское командование исчерпало свои резервы, то и у советского командования не нашлось необходимых сил и средств, чтобы провести весной крупные наступательные операции. Нужно было время для создания, оснащения и подготовки стратегических резервов, пополнения потерь в живой силе и технике, понесенных в ходе зимнего наступления.

Но ведь в то же время и те же самые задачи ставило перед собой и вражеское командование. А оно находилось в более выгодном положении. Нельзя было и откладывать активные боевые действия на длительный срок. «Перед нами встал вопрос о плане военных действий на следующие полгода, – пишет Маршал Советского Союза А.М. Василевский. – Он всесторонне обсуждался в Генштабе. Ни у кого из нас не было сомнений, что противник не позднее лета вновь предпримет серьезные активные действия с тем, чтобы опять, захватив инициативу, нанести нам поражение. Мы критически анализировали итоги зимы. Теперь Ставка, Генеральный штаб и весь руководящий состав Вооруженных сил старались точнее раскрыть замыслы врага на весенний и летний периоды 1942 года, по возможности четче определить стратегические направления, на которых суждено будет разыгаться основным событиям. При этом все мы отлично понимали, что от результатов летней кампании 1942 года во многом будет зависеть дальнейшее развитие всей мировой войны, поведение Японии, Турции и т. д., а может быть, и исход войны в целом»²⁴.

Разведка однозначно указывала: юг. Но так ли это? Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, делая выводы из анализа обстановки, считал, что летом 1942 г. противник сможет начать крупное наступление на двух стратегических направлениях – московском и юге страны одновременно. Притом основным направлением, по его мнению, будет московское. Там находилась самая крупная вражеская группировка – свыше 70 дивизий. Хотя немецкие войска и удалось отбросить от Москвы, они продолжали угрожать столице.

Возможно, что в данном случае имели место и соображения личного плана: летом 1941 г. Сталин считал, что главный удар противник нанесет на юге. Практически оказалось, что он нацелился на Москву. Не случится ли подобное и на этот раз? Ведь каких-либо признаков того, что немецкое командование перебрасывает войска с центрального участка на юг, не отмечено. А от Москвы линия фронта всего в 200 км.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 132-а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 75–81.

²⁴ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 164.

Но нельзя игнорировать и южное направление. Следовательно, надо ограничиться активной обороной на всем фронте, а наряду с этим провести несколько частных фронтовых операций на различных направлениях²⁵.

Генеральный штаб в основном придерживался того же мнения. Правда, его начальник маршал Б.М. Шапошников стоял на том, чтобы на первом этапе стратегических действий ограничиться активной обороной, отразить удар врага, а затем, накопив резервы, перейти в контрнаступление.

Итак, Государственный Комитет Обороны определил ближайшую задачу: создать к маю – июню 1942 г. мощные обученные резервы, накопить оружие, боеприпасы, боевую технику, необходимые материальные ресурсы для обеспечения войск в последующем наступлении.

Все обоснования и расчеты по плану на лето 1942 г. Генеральный штаб завершил в середине марта. Главные пункты предложенного плана формулировались следующим образом: активная оборона, накопление резервов, переход в контрнаступление. Однако работа над планом продолжалась. На имя Верховного Главнокомандующего со всех фронтов поступили ранее затребованные им доклады с соображениями и предложениями о дальнейшем ведении боевых действий. Среди них наибольшего внимания заслуживал доклад командования войск юго-западного направления, где предлагалось в мае силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов провести крупную наступательную операцию.

Военный совет направления оценивал обстановку, сложившуюся к весне, следующим образом: «Задачи, поставленные на зимний период 1942 года, войсками Юго-Западного направления еще полностью не выполнены. В результате ряда предпринятых операций с ударами на важнейших и жизненных для противника направлениях фронты Юго-Западного направления взяли в свои руки инициативу действий, нанесли противнику чувствительные потери и освободили от немецко-фашистских оккупантов значительную территорию.

Особенно эффективными оказались действия на стыке Юго-Западного и Южного фронтов, где нашим войскам удалось прорвать укрепленную полосу противника, нанести ему значительные потери и, овладев районами Алексеевское, Лозовая, Барвенково, лишить врага важнейшей железнодорожной магистрали Харьков – Донбасс и угрожать глубокому тылу его основной группировки, действующей в Донбассе и Таганрогском районе. Одновременно наши войска заняли весьма выгодное положение для развития наступления на Харьков. Только недостаток сил и средств не позволяют полностью использовать достигнутый успех как для окончательного разгрома главной группировки противника на юге, так и для захвата Харькова»²⁶.

В докладе Военного совета указывалось о возможных намерениях германского командования в предстоящей кампании: «По данным агентуры и показаниям пленных, противник сосредоточивает крупные резервы со значительным количеством танков восточнее Гомель и в районах Кременчуг, Кировоград, Днепропетровск, очевидно, с целью перехода весной к решительным действиям. Трудно сейчас предугадать размеры этого наступления. Можно лишь предполагать, каковы будут вероятные направления действий и оперативно-стратегические устремления противника.

Мы считаем, что враг, несмотря на крупную неудачу осеннего наступления на Москву, весной будет вновь стремиться к захвату нашей столицы. С этой целью его главная группировка упорно пытается сохранить свое положение на московском направлении, а его резервы сосредоточиваются против левого крыла Западного фронта (восточнее Гомель и в районе Брянск). Наиболее вероятно, что наряду с фронтальными ударами против Западного фронта противник предпримет крупными силами мотомехсоединений наступление из района Брянск и Орел в

²⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., доп. по рукописи авт. Т. 2. М., 1990. С. 275.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 34–35.

обход Москвы с юга и юго-востока, с целью выхода на р. Волгу и в районе Горький и изоляции Москвы от важнейших промышленных и экономических центров Поволжья и Урала.

На юге следует ожидать наступления крупных сил противника между течением р. Северский Донец и Таганрогским заливом с целью овладения нижним течением р. Дон и последующим устремлением на Кавказ к источникам нефти. Этот удар, вероятно, будет сопровождаться наступлением вспомогательной группировки войск на Сталинград и десантными операциями из Крыма на Кавказское побережье Черного моря.

Для обеспечения действий основных ударных группировок на Москву и на Кавказ противник несомненно попытается нанести вспомогательный удар из района Курска на Воронеж. С выходом этой группы войск противника в район Воронеж, Лиски, Валуйки мы можем лишиться важнейших железнодорожных магистралей, связывающих Москву с Донбассом и Кавказом.

Гидрометеорологические условия позволяют развернуть широкие боевые действия на юге в середине апреля и на севере в первой половине мая. Но, учитывая выгоды одновременного перехода в наступление больших сил на всех фронтах, можно предполагать, что противник начнет решительные наступательные действия в середине мая сего года»²⁷.

Переходя к определению стратегической цели действий войск юго-западного направления в летней кампании, Военный совет считал, что, хотя летняя кампания может ознаменоваться широкими наступательными действиями со стороны противника, войска этого направления при существенном подкреплении их резервами Ставки должны «стремиться к достижению основной стратегической цели – разгромить противостоящие силы противника и выйти в итоге летней кампании на Средний Днепр (Гомель, Киев, Черкассы) и далее на фронт Черкассы, Первомайск, Николаев. В зависимости от конкретной обстановки и, прежде всего, реального соотношения сил, которое сложится к началу главных операций, эта основная стратегическая цель будет решаться на каждом фронте Юго-Западного направления различными путями»²⁸.

Чтобы с наступлением лета приступить к широким активным действиям, Военный совет просил Ставку выделить из ресурсов центра: стрелковых дивизий – 32–34, танковых бригад – 27–28, артиллерийских полков – 19–24, боевых самолетов – 756. Кроме того, для доукомплектования войск личным составом до 80 % и вооружением до 100 % испрашивалось людское пополнение в количестве свыше 200 тыс. человек, большое количество вооружения, боевой техники, тракторов, автомашин и лошадей.

В представлении, адресованном Ставке, были определены также основные задачи войск каждого фронта в предстоявшей кампании.

Поскольку войска Брянского фронта тяготели к оперативному взаимодействию с Западным фронтом, перед ним предлагалось поставить следующую задачу: после ликвидации болховской группировки противника в тесном взаимодействии с Западным фронтом последовательно овладеть Орлом и Брянском и выйти на линию Гомель, Чернигов. Выполнение этой задачи мыслилось только при успешном развитии операции Западного фронта на смоленском направлении.

Юго-Западный фронт, занимая в системе войск юго-западного направления центральное положение, прочно прикрывал важнейшие железнодорожные магистрали, связывавшие Москву с Донбассом и Кавказом, а удержанием за собой района Лозовой обеспечивал активные действия правого ударного крыла Южного фронта во фланг и глубокий тыл донбасской группировки противника. Задачи войск Юго-Западного фронта в летней кампании определялись так: «Согласно намеченному плану действий до наступления весенней распутицы войска

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 35–36.

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 41.

фронта должны своим левым ударным крылом окружить и уничтожить группировку противника в треугольнике Чугуев, Лиман, Балаклея и занять выгодное положение для последующего наступления на Харьков с востока и юга.

В соответствии с общей стратегической целью действий войск Юго-Западного направления основная задача Юго-Западного фронта в весенне-летней кампании состоит в овладении на левом крыле районами Харьков и Красноград, а на правом крыле и в центре – Курском и Белгородом. В дальнейшем наступлением в общем направлении на Киев ставилась задача выйти на Средний Днепр на фронте Чернобыль, Киев, Черкассы...»²⁹

Южный фронт в составе войск юго-западного направления по наличным силам и средствам, так же как и по выполняемым задачам, являлся важнейшим. Прикрывая своим центром и левым флангом ворошиловградское и ростовское направления, войска фронта преграждали путь противнику к нефтяным ресурсам Кавказа и к нижнему течению Волги – важнейшей водной артерии европейской части нашей страны. Поскольку своим правым ударным крылом войска Южного фронта, глубоко выдвинувшись на запад, нависали с севера над коммуникациями группировки противника, находившейся в Донбассе и в районе Таганрога, фронту предписывалось: «До наступления весенней распутицы и до вступления в операцию крупных оперативных резервов войска фронта имеют задачи – занять Краматорск, Славянск и овладеть таганрогским плацдармом. На остальном фронте активной обороной сохранить за собой ныне занимаемый рубеж. Основной ближайшей задачей Южного фронта в предстоящей весенне-летней кампании по-прежнему остается окружение и уничтожение донбасской и таганрогской группировок противника и выход на р. Днепр»³⁰.

Такого же мнения придерживался и Военный совет этого фронта, который 8 марта докладывал Верховному Главнокомандующему: «Выгодное оперативное положение войск правого крыла фронта, позволяющее при развитии удара на красноармейском направлении выйти на тылы всей южной группировки войск противника, необходимо использовать с целью уничтожения донбасской и таганрогской группировок противника»³¹. Для выполнения этого замысла командующий войсками Южного фронта генерал Р.Я. Малиновский просил Ставку усилить фронт десятью-двенадцатью стрелковыми дивизиями, пятью-шестью танковыми бригадами, личным составом и недостающим вооружением.

Учитывая огромную роль авиации в намечавшихся операциях войск юго-западного направления, его Военный совет считал, что «при получении 756 самолетов общее количество авиации ЮЗН будет равно 1562 самолетам, что, по всем расчетным данным, является минимально необходимым для выполнения боевых задач в проводимых армиями и фронтами операциях»³². Кроме того, для действий по авиации противника на аэродромах Конотоп, Кировоград, Кривой Рог, Николаев, железным дорогам и промышленным объектам военного значения он просил подчинить ему две дивизии дальних бомбардировщиков.

Следует подчеркнуть, что, разрабатывая эти предложения, Военный совет отчетливо понимал, какую большую опасность представлял барвенковский выступ, который в своем основании достигал 80 км, был сильно вытянут на запад в сторону Лозовой и имел общую протяженность по фронту до 300 км. Чтобы лишить противника возможности окружения войск, находившихся в этом выступе, предлагалось перед началом летней кампании провести две частные операции. Исходя из предстоявшего объема задач, командование направления просило Ставку Верховного Главнокомандования полностью удовлетворить его заявки в личном составе, вооружении, особенно танках и боевых самолетах.

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 49.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 54.

³¹ Там же. Л. 15–24.

³² Там же. Л. 59.

В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев утверждает, что якобы замысел ограничивался лишь районом Харькова, а инициатива в разработке плана исходила от штаба: «Штабные работники – Бодин, Баграмян и другие стали подсчитывать итоги и примерять наши возможности для дальнейшего наступления с тем, чтобы освободить Харьков. Был намечен такой план: главный удар нанести противнику весной на дуге, которую мы создали южнее Харькова, а вспомогательный удар меньшими силами – севернее Харькова, и таким образом, взяв Харьков в клещи, освободить его. Когда планировали, мы были уверены, что эта операция у нас получится, что мы решим задачу и откроем весенне-летние военные действия таким эффективным результатом, как освобождение крупнейшего промышленного и политического центра Украины»³³.

Характерно в этом отношении и свидетельство С.П. Иванова, который накануне Дня Красной Армии – 22 февраля 1942 г. – имел беседу с С.К. Тимошенко в Сватово. Главком сказал ему, что «пора начать готовиться к летней кампании, а для этого необходимо освободить Харьков. Но, прежде всего, нужно захватить и укрепить плацдарм на западном берегу Северского Донца, в районе Старого Салтова»³⁴. Здесь, как видим, освобождение Харькова фигурирует лишь как начальный этап летней кампании. Свой дальнейший замысел Тимошенко, естественно, не раскрывал, хотя для командармов и начальников штабов армий он уже давно не являлся особым секретом. Действительно, 27 февраля Военный совет Юго-Западного фронта утвердил оперативную директиву на проведение частной наступательной операции по разгрому чугуевско-балаклеийской группировки противника. Ее замысел заключался в том, чтобы, нанося охватывающие удары силами 6-й армии с балаклеийского и 38-й армии – с чугуевского выступов, окружить и уничтожить немецкие войска юго-восточнее Харькова и освободить город.

Операция началась 7 марта. Внезапность удара по ряду причин обеспечить не удалось. Ожесточенные бои развернулись в полосе наступления 38-й армии. Преодолев заболоченный участок р. Большая Бабка, ее соединения в нескольких местах форсировали Северский Донец. В боях отличались многие воины, среди них командир роты 6-й гвардейской танковой бригады старший лейтенант Н.П. Блинов, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Широкую известность приобрел в те дни и подвиг заместителя командира роты тяжелых танков 5-й гвардейской танковой бригады лейтенанта Н.Н. Фомина, лично возглавившего атаку стрелковых подразделений после того, как его танк был подбит противником. Николай в рукопашной схватке уничтожил немецкого офицера, завладел его автоматом и истребил десятки солдат врага³⁵.

Решить поставленные задачи советские войска в полном объеме не смогли. Особенно незначительным был успех 6-й армии, действовавшей в районе Балаклеи. 10 апреля старосалтовский плацдарм, по распоряжению главкома, отошел в полосу обороны 28-й армии.

Итак, если проанализировать доклад Военного совета юго-западного направления, то станет ясно, что с учетом далеко не полных, а порой и не совсем достоверных данных, имевшихся у его авторов, ряд выводов вызывал серьезные сомнения. И прежде всего – о направлении главного удара противника на Москву и вспомогательного – на юге. Конечно, ни Тимошенко, ни Хрущев, ни тем более главный разработчик доклада Баграмян были не в состоянии должным образом оценить обстановку на всем советско-германском фронте, учесть людские и материально-технические ресурсы Германии и ее сателлитов, их возможности в создании резервных воинских формирований, в производстве оружия и боевой техники, в восполнении потерь,

³³ Вопросы истории. 1990. № 11. С. 73.

³⁴ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 203.

³⁵ Исаев С.И., Левченко В.Н. Герои – освободители Харьковщины. Харьков, 1988. С. 76, 246.

понесенных зимой. Такими сведениями в полной мере не могла располагать даже Ставка ВГК. И этого, естественно, нет в докладе.

Существование главной группировки противника на московском направлении было закономерно – она была создана там осенью 1941 г. для взятия столицы СССР. До декабря немецкие войска безуспешно пытались решить эту задачу, а затем до половины марта вынуждены были отражать контрнаступление советских войск. Естественно, что группировка сохранилась в прежнем составе. А вот пополнил ли ее противник после понесенных огромных потерь? Усилил ли необходимыми резервами? Они, согласно докладу, находились как раз в полосах фронтов юго-западного направления. Туда же, по данным разведки, направлялись воинские эшелоны с людьми и техникой. Значит, чтобы нанести удар на Москву, надо в сравнительно короткое время (ведь до предполагаемого срока – первая половина мая – оставалось месяц-полтора) осуществить широкомасштабную перегруппировку. А этого времени, учитывая низкую пропускную способность железных и шоссейных дорог, было недостаточно. Да и разведка не отмечала никаких признаков такой передислокации. Очевидно, ни Тимошенко, который сам являлся членом Ставки ВГК и хорошо знал мнение Верховного Главнокомандующего, ни Хрущев, недостаточно компетентный в чисто военных вопросах, ни Баграмян не сочли возможным усомниться в выводах Сталина. Это же косвенно подтвердил и сам И.Х. Баграмян в своих мемуарах. В беседе с ним маршал Тимошенко сказал, что вражеская группировка, участвовавшая в боях против войск юго-западного направления, понесла серьезные потери и без длительной передышки, получения крупных подкреплений из глубокого тыла она не в состоянии перейти к решительным действиям.

«Военный совет считает, что с наступлением лета, – продолжал Семен Константинович, – гитлеровское командование, по всей вероятности, свои главные операции развернет на московском направлении с целью овладения нашей столицей. На юге против войск Юго-Западного направления, надо полагать, оно ограничится наступлением вспомогательного характера. Насколько нам известно, такого мнения придерживается и Ставка Верховного Главнокомандования...»³⁶

Были ли войска юго-западного направления способны, как явствовало из доклада, вести наступление на тысячекилометровом фронте, разгромить противостоявшего противника и продвинуться в глубину более чем на 600 км? Даже с учетом тех дивизий, танковых бригад и самолетов, которые командование направления запрашивало у Ставки ВГК, достигнуть ощутимого превосходства над врагом в живой силе и технике не удавалось. Ведь немецкое командование также могло увеличить количество своих дивизий до ста, а каждая из них по численности примерно на треть превышала советскую, была гораздо маневренней. Более сильными в организационном и техническом смысле были также авиация и бронетанковые войска врага. Следовательно, и в этом отношении успех широкомасштабного наступления выглядел сомнительным. Однако командование направления полностью поддержало установку Сталина и его намерение упредить противника в возможном переходе его в наступление, захватить инициативу на ряде участков фронта, и прежде всего – на южном.

В последней декаде марта главком и член Военного совета направления получили вызов в Ставку. Первым в Москву вылетел генерал И.Х. Баграмян, чтобы заблаговременно ознакомиться там с общей обстановкой на советско-германском фронте и с наметками планов Генштаба и Ставки на летнюю кампанию 1942 г., а также выяснить возможности получения необходимых подкреплений. В мемуарах И.Х. Баграмяна очень подробно описан короткий период его пребывания в Москве и все обстоятельства, связанные с принятием решения о наступлении на юге. Правда, некоторые, весьма существенные детали, содержащиеся еще в рукописи, в книгу не вошли. Теперь трудно сказать, чем руководствовался маршал, но, думается, что

³⁶ Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. Киев, 1988. С. 41.

сокращенный им текст представляет больший интерес, чем, скажем, эпизод с заказом ему Сталиным нового генеральского обмундирования.

Мы приводим этот эпизод, цитируемый по рукописи воспоминаний: «Хорошо запечатлелось в моей памяти посещение Главного разведывательного управления Генерального штаба, его в то время возглавлял генерал-майор танковых войск Александр Павлович Панфилов. Меня очень интересовал вопрос, как наши разведчики оценивают общие боевые возможности немецко-фашистской армии перед началом летней кампании, каковы имеющиеся у них данные о наиболее вероятных стратегических планах вражеского командования, то есть о том, в каком направлении, какими силами и с какими целями будут осуществляться вермахтом главные наступательные операции.

Вспомнив, что мой однокашник по учебе в Военной академии имени М.В. Фрунзе, генерал-майор Александр Георгиевич Самохин, работает в информационном управлении Главного разведывательного управления, я направился прямо к нему. Самохин, предупредив, что высказывает свое личное мнение, сказал, что ознакомление с некоторыми данными разведки и с информацией наиболее осведомленных органов буржуазной прессы привело его к выводу, что летом враг нанесет основной удар на южном крыле советско-германского фронта. Далеко идущими целями противника, по словам Александра Георгиевича, являлось стремление овладеть нефтедобывающими районами Кавказа, выйти к нижнему течению Волги в районе Сталинграда и перерезать основную водную артерию нашей страны, связывающую ее центральные районы с югом.

Вместе с тем, по мнению Самохина, успешные действия немцев на юге могли создать выгодную обстановку для вступления Турции и Японии в войну на стороне коалиции агрессоров.

Мои попытки выяснить у Самохина, какими же примерно силами, в какой группировке и когда немцы смогут перейти к наступлению летом, чтобы осуществить свои намерения, оказались безуспешными, так как, вероятно, он сам не имел ясного представления по этим вопросам.

На последний вопрос, разделяет ли руководство нашего Генерального штаба и Ставка Верховного Главнокомандования такого рода прогнозы о намерениях противника, – Александр Георгиевич ответил отрицательно. Он сказал, что Генеральный штаб и Ставка по-прежнему считают, что с началом летней кампании враг возобновит генеральное наступление на Москву и попытается во что бы то ни стало овладеть столицей, иначе говоря, то, чего не удалось ему добиться глубокой осенью 1941 года, он собирается достигнуть в предстоящую летнюю кампанию».

Через несколько дней в Москву прибыли Тимошенко и Хрущев. Баграмян информировал их об общих впечатлениях, сообщил мнение генерала А.Г. Самохина. «Главком и член Военного совета направления живо реагировали на это мое сообщение, – писал И.Х. Баграмян. – Но доводы Самохина не переубедили их. Самым важным подтверждением намерений врага нанести свой основной удар по столице они считали тот факт, что наиболее многочисленная и сильная группировка противника по-прежнему была до последних дней на московском направлении. Как бы заключая состоявшийся между нами обмен мнениями, Семен Константинович сказал:

– Если Гитлер действительно имел бы в виду с наступлением лета развернуть свое главное наступление на юге против войск нашего Юго-Западного направления, то в общей стратегической группировке немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, особенно на московском направлении, произошли бы существенные изменения, которые враг не смог бы скрыть от нашей разведки».

Сталин и Шапошников назначили прием на вторую половину следующего дня. Тимошенко поручил сделать доклад начальнику оперативной группы направления, поскольку у того были все необходимые документы, карты и расчеты, которые Баграмян знал, что называется,

наизусть; знал он и все основные положения подготовленного командованием направления документа³⁷.

После обсуждения плана Военного совета юго-западного направления Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба было высказано предложение разработать замысел менее масштабной наступательной операции. Ее задачей определялось освобождение Харькова и Харьковского промышленного района. Такие рекомендации объяснялись в первую очередь ограниченностью резервов, которыми располагала в то время Ставка ВГК.

Весь день 28 марта С.К. Тимошенко, Н.С. Хрущев и И.Х. Баграмян занимались разработкой общего замысла наступательной операции. Вечером И.В. Сталин, Б.М. Шапошников и А.М. Василевский заслушали главкома. Его замысел, хотя и ограничивался районом Харькова, опять же требовал большего количества резервов, чем могла дать Ставка. Но Сталин повторил свое указание: план наступления строго ограничить районом Харькова, не требующим для его осуществления крупных резервов. Он предупредил также, что Брянский фронт выходит из состава юго-западного направления.

На следующий день вновь пришлось сесть за разработку нового варианта Харьковской наступательной операции в духе последних требований Сталина.

В рукописи мемуаров маршала Баграмяна был абзац, не вошедший в книгу: «...Было предложено использовать охватывающее положение наших войск, занимавших барвенковский выступ, для нанесения более глубокого и решительного удара по Харькову с юга и юго-запада». А последняя фраза о том, что Брянский фронт выходит из состава юго-западного направления, заканчивалась так: «...но он получит задачу по подготовке наступления своим левым крылом с целью облегчить Юго-Западному фронту овладение Харьковом».

Этот факт уже существенно меняет положение дел. Выходит, сама Ставка подсказала командованию направление, на котором нанести главный удар, плюс к тому Брянский фронт, по ее замыслу, должен был оказать существенную помощь. Насколько это точно, сейчас судить трудно. Как известно, подобные совещания не стенографировались. А.М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни» вообще не вникает в детали принятия решения о предстоявших действиях фронтов юго-западного направления, не касается этого вопроса и С.М. Штеменко³⁸. А Брянский фронт, как мы увидим ниже, задачи такой не получал, план наступления Юго-Западного фронта строился без учета взаимодействия с правым соседом. Очевидно, И.Х. Баграмян не случайно сделал эти сокращения.

После довольно напряженной работы, наконец, возникло основное решение, которое Баграмян отразил на карте. Вечером 30 марта оно было рассмотрено И.В. Сталиным, с участием Б.М. Шапошникова и А.М. Василевского, и получило одобрение. В предложении, адресованном Верховному Главнокомандующему, Военный совет юго-западного направления писал:

«В соответствии с Вашими личными указаниями нами разработан план действий войск Юго-Западного направления на апрель – май 1942 года.

1. Основная цель действий войск Юго-Западного направления в указанный период – овладеть г. Харьков, а затем произвести перегруппировку войск, ударом с северо-востока захватить Днепропетровск и Синельниково и лишить этим противника важнейшей переправы через р. Днепр и железнодорожного узла Синельниково. На остальном протяжении фронта войска Юго-Западного направления должны прочно оборонять ныне занимаемые рубежи.

2. Для овладения районом Харькова, по нашим расчетам, необходимо иметь: стрелковых дивизий – 27, кавалерийских дивизий – 9, стрелковых бригад – 19, мотострелковых бригад – 3, танковых бригад – 26, арtpолков РКК – 25. Всего: танков – 1200, полевых орудий – 1200–1300, самолетов – 620 (из них 30 «У-2»).

³⁷ Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. С. 48.

³⁸ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985. С. 53–56.

Эти силы и средства, сведенные в три армии, будут развернуты на левом крыле Юго-Западного фронта на участке Топлинка, Петровка...

3. Основной замысел операции при наступлении на Харьков: нанося главный удар в обход Харькова с юга и юго-запада и вспомогательный – в обход города с севера, окружить и уничтожить харьковскую группировку противника, овладеть г. Харьков и выйти на рубеж Сажное, Томаровка, Грайворон, Екатериновка, ст. Водяная, Орчиновка-Чернеткина, Александровка, Криштановка»³⁹.

Следует отметить, что на совместном совещании Ставки ВГК и ГКО маршал Б.М. Шапошников еще раз изложил мнение Генерального штаба о целесообразности перехода всей действующей армии к временной активной обороне, сосредоточения основных стратегических резервов на западном направлении и частично в районе Воронежа, где летом могут разыграться главные события. Это мнение в основном обосновывалось численным превосходством сил противника и отсутствием второго фронта в Европе. Б.М. Шапошников не согласился с предложением маршала С.К. Тимошенко о возможности проведения уже весной крупной наступательной операции силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов⁴⁰, мотивируя свое несогласие трудностями организации подобной операции и отсутствием необходимых резервов. Однако доводы Генерального штаба не были полностью приняты во внимание. Совещание закончилось указанием Верховного Главнокомандующего подготовить и провести в ближайшее время наступательные операции в районе Харькова, в Крыму и на других участках советско-германского фронта. Переход к обороне с одновременным нанесением ударов на различных направлениях был далеко не лучшим вариантом, так как приводил к распылению сил и внимания советского командования.

Одобренные Верховным Главнокомандующим предложения командования юго-западного направления были конкретизированы в плане Харьковской наступательной операции, представленном 10 апреля 1942 г. в Ставку ВГК⁴¹. Планом предусматривались два этапа операции. Первый – прорыв первых двух полос обороны, разгром тактических резервов противника и обеспечение ввода в прорыв подвижных групп. Общая глубина наступления – 20–30 км, продолжительность – трое суток. Второй этап намечался продолжительностью в трое-четыре суток с продвижением наступающих войск на глубину в 24–35 км. В ходе этого этапа предстояло разгромить оперативные резервы врага, главными силами ударных группировок выйти непосредственно на подступы к Харькову, а подвижными войсками завершить окружение и в последующем разгромить остатки харьковской группировки немецких войск.

На правое крыло Южного фронта возлагалась очень ответственная задача: прочно прикрыть от ударов с юга наступление Юго-Западного фронта на харьковском направлении. Для разгрома вражеской группировки и освобождения города по решению командующего войсками Юго-Западного фронта намечалось прорвать оборону противника на двух участках: первый – Волчанск, Великая Бабка силами 28-й армии и частью сил 21-й и 38-й армий (всего четырнадцать стрелковых, три кавалерийские дивизии, восемь танковых и одна мотострелковая бригада); второй – Верхний Бишкин, Мироновка силами 6-й армии и армейской группы генерала Л.В. Бобкина (всего восемь стрелковых, три кавалерийские дивизии, одиннадцать танковых и две мотострелковые бригады). Для непосредственной поддержки пехоты на северном участке сосредоточивались 354 танка и на южном – 206. После прорыва общевойсковыми армиями обороны противника планировалось использовать подвижные группы, которые должны были развить успех по сходящимся на Харьков направлениям. На южном участке

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 799. Л. 278–283.

⁴⁰ Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 4.

⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 16-а. Оп. 974. Д. 37. Л. 2–7.

наступления подвижная группа 6-й армии состояла из 21-го и 23-го танковых корпусов, имевших в строю в общей сложности 269 танков.

Таким образом, для наступления на Харьков привлекалось девятнадцать танковых бригад, насчитывавших в своем составе 829 танков. Правда, половину из них составляли легкие танки устаревших типов и танки «Т-60». Прорыв обороны противника и развитие успеха наступления в оперативной глубине должна была поддерживать вся фронтовая и армейская авиация. 2-й кавалерийский корпус, 277-я и 343-я стрелковые дивизии, 92-й отдельный тяжелый танковый батальон были выделены в резерв. Они располагались на смежных флангах Юго-Западного и Южного фронтов, имея одной из своих задач, в случае необходимости, поддерживать боевые действия 9-й и 57-й армий Южного фронта, оборонявших южный фас барвенковского выступа.

Конкретные задачи армиям Юго-Западного фронта в предстоявшей операции были поставлены в первых числах апреля. Тогда же командующий войсками Южного фронта генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский, член Военного совета Л.Р. Корниец и начальник штаба фронта генерал А.И. Антонов были вызваны в Воронеж и лично от главкома получили полную информацию о предстоявшем наступлении на Харьков, а также конкретные задачи войскам фронта. Особое внимание маршал Тимошенко уделил вопросам прочного обеспечения правым крылом Южного фронта наступления левого, ударного, крыла Юго-Западного фронта.

6 апреля, по возвращении в свой штаб, генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский издал оперативную директиву⁴². В ней указывалось, что в полосе действий фронта, на красноармейском и славянско-краматорском направлениях, противник усиливает свою группировку за счет подвоза пополнения из глубины и переброски сил с других участков, а потому существовала возможность его активных действий на барвенковском направлении. Отмечалось, что основная задача фронта – «прочно закрепиться на занимаемых рубежах, обеспечивая своим правым крылом наступление войск Юго-Западного фронта на харьковском направлении, левым крылом прикрывая ворошиловградское и ростовское направления». Обеспечение наступления войск Юго-Западного фронта на Харьков возлагалось на 57-ю и 9-ю армии.

Готовя наступательные операции, советское командование не могло игнорировать поступающие сведения о подготовке противника к активным действиям. Поэтому на юго-западном направлении в тылу Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов началось строительство оборонительных рубежей. 21 апреля была отдана директива о создании северо-кавказского направления с подчинением ему Крымского фронта, Севастопольского оборонительного района, Северо-Кавказского округа, Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

В первых числах мая, получив дополнительные данные о противнике, Ставка внесла серьезные коррективы в свои планы. 6 мая она отдала Крымскому фронту приказ прочно закрепиться на занимаемых рубежах. Спустя сутки Калининский, Западный, Брянский, Юго-Западный и Южный фронты получили директивы, в которых требовалось осуществить прикрытие некоторых участков фронта небольшими силами, с тем чтобы освобождающиеся силы и средства сгруппировать в армейских и фронтовых резервах и подготовить их к участию в предстоявших наступательных операциях, а также к отражению контрударов врага. С этой целью Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ «немедленно приступить к развитию полевых укреплений на занимаемых позициях войсками каждого фронта на глубину дивизионной оборонительной полосы (10–12 километров), инженерные работы произвести с таким расчетом, чтобы батальонные районы были готовы не позже 15 мая 1942 года не только по переднему краю, но и в глубине»⁴³. Что касается Юго-Западного фронта, то, хотя он также

⁴² ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 138. Л. 143–144.

⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 132-а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 89–95, 185–187, 193–195.

имел задачу готовить оборону, с него не снималось проведение Харьковской наступательной операции.

Большое внимание уделялось стратегическим резервам, которые располагались так, чтобы они могли быть использованы (в зависимости от обстановки) как на юго-западном направлении – и для отражения возможного удара врага, и для перехода в наступление, так и на западном – для надежного обеспечения района Москвы. Основные силы резервов сосредоточивались в районах Тулы, Воронежа, Сталинграда, Саратова, откуда они могли быть быстро выдвинуты на то или иное угрожаемое направление. Между этими двумя направлениями были распределены и все маршевые пополнения действующей армии.

Таким образом, преобладала более реалистическая оценка обстановки, и в первой декаде мая Ставка Верховного Главнокомандования приняла более целесообразное решение – все фронты, кроме Ленинградского, Северо-Западного и Юго-Западного, переходят к прочной обороне. И только три фронта должны были проводить запланированные наступательные операции – в районах Любани, Демянска и Харькова.

В итоге можно считать, что план весенне-летней кампании в целом соответствовал общим замыслам на очередной, ответственный этап войны, имея в своей основе активные действия. Вторая часть плана намечала переход советских Вооруженных сил летом 1942 г. в наступление на одном из стратегических направлений. Она была разработана в весьма общих чертах, более подробное планирование операций ставилось в зависимость от результатов военных действий весной.

Не менее активно готовилось к летней кампании и главное командование вермахта. Во второй половине дня 28 марта начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер подъезжал к месту расположения ставки Гитлера «Вольфшанце» («Волчье логово»), укрытой в лесах близ восточно-прусского города Растенбург. Офицер-порученец держал на коленях папку. В этот момент она была, пожалуй, самой драгоценной папкой в мире. В ней находился план войны немецкого генерального штаба на 1942 г.

Гальдер еще раз обдумывал основные положения этого документа, в котором были воплощены идеи, мысли и желания главнокомандующего сухопутными войсками и верховного главнокомандующего вермахта – Гитлера. Сердцевина этого плана – крупное наступление на южном участке Восточного фронта, нацеленное на Кавказ. Цель: уничтожить главные силы русских, расположенные между Донцом и Доном, захватить основные кавказские перевалы, затем богатые нефтяные районы на Каспийском море⁴⁴.

И хотя напряженная и длительная работа была завершена, Гальдера не покидали сомнения. Положение на Восточном фронте сложное. Не отражено наступление 2-й ударной армии под Волховом, еще находятся в окружении 2-й корпус под Демянском и группа Шерера в районе Холма. В районе Дорогобуж, Ельня в тылу группы армий «Центр» оперируют части 33-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушно-десантного корпусов, а севернее – 39-я армия и 9-й кавалерийский корпус русских создали опасный выступ западнее Сычевки. Манштейн увяз со своей 11-й армией под Севастополем, и русские захватили часть Керченского полуострова, а под Харьковом с трудом удалось остановить наступление войск Тимошенко, но угроза его возобновления оставалась.

Но как бы то ни было, командование вермахта, готовясь к летней кампании, ставило перед своими вооруженными силами далеко идущие военно-политические цели. Оно не сняло с повестки дня основную цель Восточного похода – «разбить Советскую Россию», сформулированную в плане «Барбаросса».

В беседе с японским послом Осимой 3 января 1942 г. Гитлер заявил: «Советы уже в следующее лето будут разгромлены. Спасения им больше нет. Лето будет решающей стадией

⁴⁴ Carell P. Unternehmen Barbarossa II. S. 386.

военного спора. Большевиков отбросят так далеко, чтобы они никогда не могли касаться культурной почвы Европы... Я намереваюсь пока в центре фронта не проводить наступательных операций. Моей целью будет наступление на южном фронте. Я решил, как только улучшится погода, снова предпринять удар в направлении Кавказа. Это направление – важнейшее. Нужно выйти к нефти, к Ирану и Ираку... Конечно, кроме того, я позабочусь о том, чтобы уничтожить Москву и Ленинград»⁴⁵.

Об этом же Гитлер говорил и 3 апреля в беседе с Антонеску. «В это лето (1942 г.), – информировал он, – я решил продолжать как можно глубже преследование для окончательного уничтожения русских. Американская и английская помощь не будет эффективна, так как новые поражения русских приведут к потере связи с внешним миром. Они потеряли самых лучших солдат и технику, а теперь они только импровизируют».

«В общих рамках войны, – писал в свое время фельдмаршал Паулюс, – летнее наступление 1942 года означало попытку в новом наступлении осуществить планы, потерпевшие провал поздней осенью 1941 года, а именно: довести войну на Востоке до победного конца, т. е. добиться целей нападения на Россию вообще. Тем самым существовала надежда решить исход войны»⁴⁶.

Следовательно, идея решительного наступления была доминирующей в тогдашних планах вермахта. «Весной 1942 года, – отмечал «мастер танковых ударов» Г. Гудериан, – перед немецким верховным командованием встал вопрос, в какой форме продолжать войну: наступать или обороняться. Переход к обороне был бы признанием собственного поражения в кампании 1941 года и лишил бы нас шансов на успешное продолжение и окончание войны на Востоке и на Западе. 1942 год был и последним годом, в котором, не опасаясь немедленного вмешательства западных держав, основные силы немецкой армии могли быть использованы в наступлении на Восточном фронте. Оставалось решить, что следует предпринять на фронте длиной три тысячи километров, чтобы обеспечить успех наступлению»⁴⁷.

Подготовку к решению этой задачи немецкое командование начало еще зимой 1941/42 г. Чтобы сохранить выгодные исходные позиции для будущего наступления, Гитлер категорически запретил отвод войск за Днепр и потребовал любой ценой удерживать позиции под Ленинградом, в районах Демянска, Ржева и Вязьмы, Орла, Курска и в Донбассе. Тогда же началось планирование кампании. Уже в директиве ОКВ № 39 от 8 декабря 1941 г. говорилось о создании предпосылок для успешного проведения «наступательной операции против Кавказа»⁴⁸. «Планируя летнее наступление 1942 года, – отмечает Курт Цейтлер, в то время начальник штаба группы армий «А» (в последующем – начальник генерального штаба сухопутных войск. – *Авт.*), – Гитлер намеревался прежде всего захватить Сталинград и Кавказ. Осуществление этих намерений, безусловно, имело бы огромное значение. Если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную русскую коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена, и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы. Таков был ход мыслей Гитлера. Достигнув этих целей, он хотел через Кавказ или другим путем послать высокоподвижные соединения в Индию»⁴⁹.

Наиболее четко и полно общие цели германского командования в летней кампании 1942 г. были изложены в директиве № 41 от 5 апреля. В ней говорилось: «Как только условия

⁴⁵ *Jacobsen H.* 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Cronik und Dokumenten. Fr/M. 1959. S. 288.

⁴⁶ Военно-исторический журнал. 1960. № 3. С. 92.

⁴⁷ Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. Пер. с нем. М., 1957. С. 126.

⁴⁸ *Дашинцев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки. Документы и материалы. М., 1973. С. 258.

⁴⁹ Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958. С. 153.

погоды и местность будут благоприятствовать, немецкое командование и войска, используя свое превосходство, вновь должны захватить в свои руки инициативу и навязать противнику свою волю. Цель состоит в том, чтобы окончательно уничтожить живую силу, еще оставшуюся в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества важнейших военно-экономических центров. Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении германских вооруженных сил и вооруженных сил союзников»⁵⁰.

К решению же о том, на каком участке Восточного фронта сосредоточить основные усилия, где нанести главный удар, Гитлер пришел не сразу, хотя, как мы видим, уже имел определенное мнение на этот счет. А вот у германского генералитета единого мнения не было. И с этим приходилось считаться.

Командующий группой армий «Север» фельдмаршал Кюхлер, к примеру, предлагал отказаться от захвата Кавказа и на первом этапе летней кампании все усилия сосредоточить на северном участке советско-германского фронта с целью захвата Ленинграда⁵¹. Представители же генерального штаба сухопутных войск, в том числе и генерал-полковник Гальдер, как это следует из записи, сделанной им 4 мая в дневнике⁵², продолжая считать наиболее важным московское направление, настаивали на проведении решающего наступления на центральном участке фронта в полосе группы армий «Центр» с целью разгрома наиболее сильной группировки советских войск, захвата Москвы и центрального промышленного района. Сторонники этого варианта плана полагали, что его успешное завершение предопределяет исход не только всей летней кампании, но и войны в целом.

Однако Гитлер не соглашался ни с первым, ни со вторым предложением. Он, отмечает известный английский историк А. Кларк, «имел совершенно четкое представление, что собирается предпринять летом 1942 года. Он намеревался раз и навсегда разгромить русских, уничтожив их вооруженные силы на юге страны, захватить наиболее важные экономические районы СССР, а затем решить: следует ли наступать на север в тыл Москвы или на юг в направлении нефтяных районов Баку. Но вместо того, чтобы с самого начала прямо и твердо поставить эту цель перед генеральным штабом ОКХ, он излагал свои стратегические идеи чрезвычайно осторожно, с оглядкой. В результате, хотя план летних операций и был постепенно выработан, Гитлер и генеральный штаб ОКХ толковали его неоднозначно. Эти разногласия так и не были устранены, и их происхождение и история важны для понимания хода битвы за Сталинград и ее катастрофического исхода»⁵³.

Сложность проблемы выбора направления главного удара отмечал и генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс. 8 августа 1948 г. он заявил: «1941 год, как известно, кончился для немецкого командования неудачей. Перед Гитлером возникла дилемма – либо преследовать опять цель занятия Москвы, либо начать наступление на юг; он остановился на последней задаче. Весной 1942 года главным направлением с оперативной точки зрения продолжало оставаться московское. Однако для широкого наступления на Москву не было экономического базиса, и немецкое командование решило поэтому предпринять наступление на юге, чтобы создать эту предпосылку. Гитлер решил обеспечить экономическую базу за счет захвата Донбасса, Кубани, Кавказа, за счет захвата руды, нефти и хлеба. Именно экономические цели заставили временно отказаться от наступления на Москву, хотя Москва оставалась главной оперативной целью».

Причиной отказа верховного командования вермахта начать летнюю кампанию наступлением на московском направлении стало не только стремление решить в первую очередь экономические задачи. Оно не могло не учитывать невыгодного оперативного положения войск

⁵⁰ Hubutsch W. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung. 1939–1945. М., 1962. S.183.

⁵¹ Депп Г. Поход на Сталинград. Пер. с нем. М., 1957. С. 127.

⁵² КТВ/ОКВ. Bd 1. S. 1093.

⁵³ От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. Пер. с англ. М., 1988. С. 157.

группы армий «Центр», фланги которой охватывались советскими войсками, а коммуникации подвергались ударам партизан и советских частей, действовавших в тылу врага. У немецкого командования были свежи в памяти уроки неудачного наступления на Москву в 1941 г. Оно, видимо, учитывало, что немецкие войска нигде не встретят столь сильного сопротивления и такой мощной обороны, как под Москвой. Было и еще одно обстоятельство, которое позднее отметил Кессельринг. Гитлер «инстинктивно страшился идти тем же путем, каким шел Наполеон. Москва оказывала на Гитлера какое-то жуткое воздействие – он опасался именно там вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть с большевизмом».

На юге же Красная Армия имела меньше сил, чем в центре. Открытая ровная местность благоприятствовала широкому использованию бронетанковых соединений и авиации, к тому же общее начертание линии фронта создавало выгодное положение для охвата и окружения южной группировки советских войск. Туда же можно было быстрее подтянуть войска из Румынии, Венгрии и Италии, а также части 11-й армии после завершения ими операции в Крыму. Захват Донбасса, Кубани, Нижней Волги и Кавказа серьезно ослабил бы военно-экономическую базу СССР, лишил бы его возможности поддерживать связь с союзниками через Иран. Овладев Кавказом, германское руководство надеялось втянуть в войну против Советского Союза Турцию.

Такова была обстановка к вечеру 28 марта, когда путь автомашине Гальдера преградил шлагбаум ворот № 1 заграждений, окружавших «Волчье логово» – «смеси концлагеря и монастыря», как однажды назвал гитлеровскую ставку ближайший сподвижник фюрера генерал Йодль.

Через час началось специальное совещание, на котором и был окончательно принят план летнего наступления. Присутствовавший на нем заместитель начальника штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал-полковник Вальтер Варлимонт впоследствии писал: «...Гитлер, невзирая на постигшие немцев неудачи, вновь возвратился к своей основной идее, которой он придерживался в декабре 1940 года и летом 1941 года. Он снова хотел сосредоточить основные усилия на крайних флангах широко растянутого фронта. Разница состояла лишь в том, что большие потери, которые понесла сухопутная армия и которые не удалось целиком восполнить, вынуждали его ставить перед собой последовательно одну цель за другой, начиная с южного участка, с Кавказа. Москва как цель наступления... пока совершенно отпадала»⁵⁴.

Позднее это решение было оформлено в директиву верховного командования № 41 от 5 апреля 1942 г.: «...В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет». Здесь же решился и вопрос о последовательности достижения целей предстоявшей кампании.

Фельдмаршал Кейтель, говоря о намерениях немецкого командования на лето 1942 г., указывал, в частности, что целью главного наступления на юге являлось: «Выключить Донбасс из военно-экономического баланса России, отрезать подвоз нефти по Волге, захватить главные базы нефтяного снабжения, которые, по нашей оценке, находились в Майкопе и Грозном. Выход на Волгу не планировался сразу на широком участке; предполагалось выйти в одном из мест, чтобы в дальнейшем захватить стратегически важный центр – Сталинград... Вся операция на южном участке фронта должна была закончиться крупным окружением всей юго-западной и южной групп Красной Армии, которые охватывались нашими группами армий «А»

⁵⁴ Warlimont W. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht. 1939–1945. Fr/M, 1962. S. 146.

и «Б». До начала «главной» операции немецкое командование решило провести ряд частных операций с целью улучшения своего оперативного положения...»⁵⁵

Прежде всего, командование противника считало необходимым очистить от советских войск Керченский полуостров и захватить Севастополь, чтобы освободить 11-ю армию и использовать Керченский полуостров в качестве плацдарма для вторжения на Северный Кавказ через Керченский пролив. Затем группа армий «Юг» должна была уничтожить советские войска, занимавшие плацдарм на правом берегу Северского Донца в районе Барвенкова, выровнять линию фронта по правому берегу этой реки, создав выгодные исходные позиции для последующего развертывания крупного наступления в восточном и юго-восточном направлениях. На западном и северо-западном направлениях предусматривалось разгромить глубоко вклинившуюся в расположение немецких войск 39-ю армию Калининского фронта и предпринять специальную операцию против частей Красной Армии и партизан, действовавших в тылу немецких войск в районе Дорогобужа. После выполнения этих задач противник намеревался нанести поражение основным силам Калининского фронта, выровнять на этом участке линию фронта и устранить тем самым угрозу прорыва советских войск в тыл группе армий «Центр» с северо-запада. Затем срезать выступ Западного фронта на участке Юхнов, Киров, Волхов и разгромить занимавшие его войска (соответственно – операции «Ганновер I» и «Ганновер II», «Ориан» («Ураган»). Этими двумя последними операциями немецкое командование предполагало подготовить условия для удара на Москву.

Чтобы скрыть подготовку крупного наступления на южном крыле Восточного фронта и ввести советское командование в заблуждение, штаб сухопутных войск разработал план демонстрационной операции «Кремль», цель которой – создать видимость сосредоточения основных сил вермахта на московском направлении. Главную же операцию летней кампании 1942 г., исходя из директивы № 41, германское командование намеревалось осуществить путем проведения ряда последовательных операций, взаимно связанных между собой и дополняющих одна другую. Началом операции должно было стать наступление группы армии «Б» (2-я, 4-я танковые, 6-я немецкая и 2-я венгерская полевые армии) на воронежском направлении. Основной ее замысел сводился к нанесению удара по сходящимся направлениям: из районов северовосточнее Курска и восточнее Харькова с целью окружения и уничтожения советских войск, действовавших на воронежском направлении, и захвата Воронежа.

В дальнейшем танковые и моторизованные соединения должны были развивать наступление вдоль Дона на юг и соединиться в районе Сталинграда с войсками, наступавшими из района Таганрог, Артемовск между нижним течением Дона и Ворошиловградом в восточном направлении. Следовательно, в ходе этой операции, получившей кодовое наименование «Блау», основные силы групп армий «А» и «Б» направлялись на Сталинград. В результате немецкое командование рассчитывало завершить разгром всего южного крыла советских войск, овладеть плацдармами на южном берегу Дона в его нижнем течении для последующего развития наступления на Кавказ, а также захватить Сталинград. Наступление на воронежском направлении и в Донбассе представляло единую стратегическую операцию.

Рассматривая планы немецкого командования на лето 1942 г., следует остановиться еще на одном вопросе. В упоминаемой директиве № 41 есть указание на то, что оборонительные позиции, создаваемые по правому берегу Дона для обеспечения северо-восточного фланга главной ударной группировки своих войск, должны быть оборудованы «с учетом возможного их использования в зимних условиях». Это имело определенный смысл. Дело в том, что, хотя с захватом района нижнего течения Волги и Кавказа командованию вермахта и удалось бы добиться крупных стратегических результатов, тем не менее это не приводило к разгрому

⁵⁵ «Совершенно секретно. Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. Пер. с нем. М., 1967. С. 381.

советских Вооруженных сил. Такую задачу нельзя было решить, не разгромив центральную, наиболее мощную, группировку советских войск, не овладев центральным промышленным районом. О том, что такая идея существовала у немецкого верховного командования, свидетельствуют показания, данные на допросе 17 июня 1945 г. генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Он говорил, что «...предполагалось, в случае успеха в изоляции Москвы от юга, предпринять поворот крупными силами к северу (при таком условии, что наши союзники взяли бы на себя р. Дон). Я затрудняюсь назвать какие-либо сроки для проведения этой операции»⁵⁶. Кейтель не дает прямого ответа, на какое время намечалось наступление на московском направлении. Германскому командованию потребовалось бы значительное время, чтобы перегруппировать войска с юга на центральное направление, подтянуть дополнительные резервы и подготовиться к новому крупному наступлению. Однако ясно, что оно после овладения Сталинградом, Кавказом и Ленинградом рассчитывало сосредоточить основные усилия на центральном участке фронта.

Итак, цель и замысел кампании на Востоке немецкое руководство сводило к тому, чтобы, «...сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ»⁵⁷. Решение этих задач предполагалось достичь последовательно. Вначале необходимо было создать условия для проведения «главной операции» на южном участке Восточного фронта, то есть улучшить свое оперативное положение, а для этого в течение весны овладеть Керченским полуостровом, Севастополем, срезать барвенковский выступ советских войск, ликвидировать их плацдарм северо-западнее Новгорода, выровнять линию фронта на московском направлении.

Подготовка наступления на южном крыле Восточного фронта началась ранней весной. Командование группы армий «Юг» с первых дней апреля начало усиленно готовить свои войска, чтобы уже в следующем месяце нанести удар по соединениям Юго-Западного фронта, находившимся в барвенковском выступе и в районе Волчанска. Эта операция получила условное наименование «Фридрикус-1». Ее начало намечалось на 18 мая. Войскам группы армий «Юг» предстояло также принять активное участие во вторжении на Кавказ и отчасти в прорыве к Волге у Сталинграда, поэтому группа в быстром темпе пополнялась личным составом, вооружением и боевой техникой. Все пехотные дивизии укомплектовывались до полного штатного состава – 14–15 тыс. человек. Количество боевых машин в каждой танковой дивизии было доведено до 170–185 единиц. К началу операции за счет резервов войска этой группы армий были дополнительно усилены одиннадцать дивизиями, из них пять (три пехотные и две танковые) находились в районе Харькова против войск Юго-Западного фронта. Значительное пополнение боевыми самолетами получили немецкие Люфтваффе. К началу мая они имели в своем составе 1220 боевых самолетов⁵⁸.

Наряду с этим командование вермахта провело ряд важных организационных мероприятий. В частности, первым адъютантам командующих армиями, которые занимались кадровыми вопросами, было поручено установить, соответствуют ли своим должностям командиры частей и подразделений. В докладе, направленном управлению кадров, изложить положение вещей и представить свои соображения, как использовать в дальнейшем не оправдавших надежды командиров и рекомендовать кандидатов на их место, по возможности из соответствующей армии. В каждой армии перед началом наступления был создан резерв командного состава из офицеров всех званий⁵⁹.

⁵⁶ Военно-исторический журнал. 1961. № 9. С. 83–84.

⁵⁷ *Hubutsch W.* Hitlers Weisungen für die Kriegsführung. S. 184.

⁵⁸ Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. 34-е изд. М., 1984. С. 145.

⁵⁹ *Адам В.* Трудное решение. С. 34.

Как свидетельствуют немецкие документы и показания командующего 6-й армией Ф. Паулюса, цель этого наступления состояла в захвате важного оперативно-стратегического района, который предполагалось использовать в качестве исходного плацдарма «главной операции». Позднее Паулюс писал: «Эта операция должна была в первую очередь устранить непосредственную опасность коммуникациям немецкого южного фланга в районе Днепропетровска и обеспечить удержание Харькова с размещившимися там большими складами и лазаретами 6-й армии. Далее, необходимо было овладеть местностью западнее реки Северский Донец, юго-восточнее Харькова для последующего наступления через эту реку на восток»⁶⁰. Проведение операции «Фридрикус-I» возлагалось на 6-ю армию и армейскую группу «Клейст» (1-я танковая и 17-я армии, 35 дивизий, в том числе 7 танковых и моторизованных).

Барвенковский выступ противник решил ликвидировать ударом по сходящимся направлениям силами двух группировок: первая – 6-я армия, которая переходила в наступление из района Балаклеи на юг; вторая – армейская группа «Клейст», наступавшая из района Славянск, Краматорск в северо-западном направлении. В ходе подготовки операции немецкая группировка на харьковском направлении была значительно усилена. К 12 мая Юго-Западному фронту противостояло 17 дивизий, а Южному – 34 (из них непосредственно 57-й и 9-й армиям – 13 дивизий). Общее соотношение сил и средств на юго-западном направлении было невыгодным для советской стороны. В танках силы были равны, а по количеству людей противник превосходил в 1,1 раза, в орудиях и минометах – в 1,3 раза, в самолетах – в 1,6 раза. Только в полосе наступления Юго-Западного фронта удалось достичь полуторного превосходства в людях и немногим более чем двукратного в танках, среди которых было много легких, со слабой броней и вооружением. По артиллерии и авиации силы сторон были примерно одинаковыми, но враг обладал подавляющим количественным и качественным превосходством в бомбардировщиках.

⁶⁰ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 11 600. Д. 1105. Л. 6.

Глава 3

Юго-Западный к наступлению готов

На 4 мая 1942 г. был намечен переход в наступление (потом, правда, пришлось вносить коррективы), а непосредственная подготовка к нему войск юго-западного направления началась с середины апреля. Ей предшествовал ряд организационных мероприятий. С 8 апреля С.К. Тимошенко, оставаясь главкомом направления, вступил в командование Юго-Западным фронтом. Генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко стал его заместителем, И.Х. Баграмян сменил на посту начальника штаба фронта генерала П.И. Бодина, назначенного заместителем начальника Генерального штаба.

Произошли изменения и в составе командований армий. 28-ю возглавил генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, 38-ю – генерал-майор К.С. Москаленко. В 57-ю армию, которая вошла в полосу Южного фронта, командармом был назначен генерал-лейтенант К.П. Подлас. Своёобразием характеристику дал ему в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев: «Это был очень интересный человек и с интересной судьбой. Его жизнь сложилась трагично... Во время Хасанских событий он находился на Дальнем Востоке и действовал там против японцев. Ему не повезло: приехал туда Мехлис, и Мехлису он не понравился: тот посчитал его предателем и изменником. Его сняли с должности и посадили в тюрьму. Выпустили его, когда началась война. К нам он явился, когда мы еще были в Киеве. Он пока не был переаттестован и носил форму с ромбами на петлицах. Сначала, когда он представился и назвал свою фамилию, я спросил, кто он по национальности? Дело в том, что фамилией недостаточно была выражена его национальность. «Я украинец из Брянской области», – отвечает. Мы его использовали сначала для поручений. Он очень организованный человек: куда его ни посылали, он всегда толково разбирался в деле и произвел очень хорошее впечатление. В результате его назначили командующим 57-й армией. Армия эта была укомплектована неплохо, потому что к моменту ее формирования мы получили для нее дополнительно дивизию и несколько маршевых рот и батальонов»⁶¹.

Как мы уже упоминали, в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев не всегда точен. Но высказанная им характеристика Подласа совпадает с мнением других людей. Кузьма Петрович Подлас – участник Первой мировой и Гражданской войн. В Красной Армии командовал стрелковым полком, дивизией, корпусом, закончил курсы «Выстрел» и курсы усовершенствования высшего состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе. Перед войной был заместителем командующего войсками Киевского Особого военного округа. В июне 1941 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Вскоре он стал командующим 40-й армией, которая вела тяжелые оборонительные бои в августе – сентябре в Коростенском и Киевском укрепленных районах, в октябре – на харьковском и сумском, а в конце 1941 г. – на воронежском направлениях.

Все, кому приходилось работать с этим человеком, отмечали его высокие моральные, чисто человеческие и профессиональные качества. Н.Г. Лященко, который в ту пору командовал 106-й стрелковой дивизией (впоследствии – генерал армии. – *Авт.*), в своих воспоминаниях подчеркивал его простоту и доступность: «... Чудесный, с большим военным опытом человек, появлялся в дивизии, как правило, без звонка и обычно не в штабе, а в каком-либо из полков... Кузьма Петрович подробно расспрашивал батальонных и ротных командиров о системе огня, интересовался организацией наблюдения, связи, поведением противника... с людьми держался просто и непринужденно. Интересовался нашим бытом»⁶².

⁶¹ Вопросы истории. 1990. № 11. С. 74–75.

⁶² Лященко Н.Г. Годы в шинели. В 2 кн. Кн. 2. Фрунзе, 1976. С. 147, 149.

При подготовке наступления требовалось решить немало сложных задач. Одна из них – большая по объему перегруппировка войск, создание скрытно от противника ударных группировок. Кроме того, необходимо было выработать решение во всех звеньях управления, поставить задачи исполнителям, организовать надежное огневое поражение врага. Неослабного внимания требовали вопросы формирования, в частности 28-й армии, доукомплектования соединений, частей и подразделений. Немало сложностей было в вопросах материально-технического обеспечения предстоявших действий.

Войска обоих фронтов в зимних наступательных операциях понесли большие потери в людях, вооружении, боевой технике. В начале марта Юго-Западный фронт был укомплектован личным составом на 62,5 %. Некомплект составлял 143 028 человек. Станковыми пулеметами части были обеспечены всего на 18 % (не хватало 2713), ручными – на 22,5 % (недостаток 22 260), противотанковыми орудиями – на 22,9 % (некомплект 712). Из положенных 394 танков имелось 247, причем их значительная часть находилась в ремонте. Недоставало 253 трактора, 3522 автомашины и т. д.⁶³ Примерно такое же положение создалось и на Южном фронте – там укомплектованность личным составом достигала чуть более 60 %, станковыми пулеметами – 28,4, противотанковыми орудиями – 24,1, танками – 71,7, автомашинами – 50,7 %⁶⁴.

Восполнить в сравнительно короткое время такой огромный некомплект было очень сложно, и командование юго-западного направления рассчитывало на помощь Ставки ВГК в пополнении соединений личным составом до 80 % их штатной численности⁶⁵. Трудно, конечно, было надеяться и на получение 36,5 тыс. лошадей⁶⁶, 4331 станкового пулемета, 971 120-мм миномета, 1914 противотанковых орудий⁶⁷ и многого другого. Плохо обстояло дело с имуществом связи – одних радиостанций требовалось 23 648⁶⁸, многие тысячи единиц телефонных аппаратов, коммутаторов, тысячи километров телефонного кабеля и т. д.

Кроме того, необходимо было не только пополнить, но и усилить авиацию, и прежде всего бомбардировочную. Расчеты показывали – нужно 573 самолета⁶⁹. Танкистам доставало 281 машины⁷⁰.

Требовались, разумеется, и соответствующие резервы – стрелковые дивизии, танковые бригады, артиллерийские полки РВГК, инженерные и мостостроительные батальоны, дорожно-эксплуатационные полки. А кроме того – снаряды, патроны, горючее, продовольствие, запасные части к боевой и транспортной технике, медикаменты и перевязочный материал, фураж для десятков тысяч лошадей и многое, многое другое.

На органы тыла и снабжения легла огромная нагрузка. Все это надо было не только получить, разместить и организовать хранение, но и доставить в войска. Органами центра и соответствующими органами фронтов была проделана большая работа, однако многого выполнить до конца так и не удалось.

Так, согласно распоряжению Ставки ВГК для фронтов юго-западного направления предусматривалось сформировать четыре танковых корпуса – за счет танковых бригад, имевшихся в распоряжении главкома⁷¹. Практически же было создано всего три. 8 мая, когда стало ясно, что создать необходимые резервы в полосе Юго-Западного фронта невозможно, последовало распоряжение главкома направления и командующему войсками Южного фронта: «В

⁶³ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 106.

⁶⁴ Там же. Л. 109.

⁶⁵ Там же. Л. 117.

⁶⁶ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 118.

⁶⁷ Там же. Л. 123.

⁶⁸ Там же. Л. 112.

⁶⁹ Там же. Л. 91.

⁷⁰ Там же. Л. 129.

⁷¹ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 492. Л. 111.

целях создания резервов и образования ударных кулаков для использования их нами на желаемых направлениях в наступательных действиях Ставка Верховного Главного Командования считает целесообразным прикрыться на некоторых участках нашего общего фронта меньшими силами с тем, чтобы сгруппировать освобождающиеся силы и средства в армейских и фронтовых резервах и подготовить их к участию в предстоящих наших наступательных операциях, а также к контрударам на случай неожиданного наступления противника»⁷².

Чтобы компенсировать ослабление фронта, предлагалось немедленно приступить к развитию полевых укреплений на занимаемых войсками Южного фронта рубежах на глубину дивизий первого эшелона (до 10–12 км) с готовностью батальонных районов обороны не позднее 15 мая. Однако времени для этого оставалось мало. Выполнить намеченное должным образом не удалось.

Стремясь максимально усилить ударные группировки, маршал С.К. Тимошенко еще в апреле изъясил из состава армий Южного фронта ряд частей. Так, командующий 9-й армией генерал-майор Ф.М. Харитонов получил распоряжение направить в 6-ю армию три артиллерийских полка РВГК⁷³. Впоследствии, когда противник нанесет мощный удар по 9-й армии, слабость ее артиллерии самым негативным образом скажется на ходе и исходе боев. 10 апреля командующий войсками Южного фронта по приказу главкома начал отправку на Юго-Западный фронт 244-й и 266-й стрелковых дивизий, двух гаубичных и двух пушечных артиллерийских полков⁷⁴. Это также будет иметь негативные для Южного фронта последствия.

Нельзя сказать, что, готовясь к наступлению и рассчитывая на его успех, командование направления не исключало контрмер или даже упреждающего удара со стороны противника, особенно со стороны Славянска, где располагались танковые и моторизованные дивизии армейской группы «Клейст». И Тимошенко, и Малиновский хорошо знали, с кем имеют дело. Ее командующий – Э. Клейст – являлся одним из опытейших немецких военачальников. За его плечами уже насчитывалось более пятидесяти лет военной службы. Дивизии Клейста прошли по Польше, Франции, Югославии. Его 1-я танковая группа (затем армия) была главной ударной силой врага на южном крыле советско-германского фронта. Впоследствии с ноября 1942 г. Клейст возглавит группу армий «А» (1-я танковая и 17-я полевая армии).

Да и сведения, которые добывала разведка, свидетельствовали о том, что противник проявляет заметную активность в своем тылу перед правым крылом Южного фронта. И туда поступило указание, подписанное И.Х. Баграмяном: «Усилить действия войсковой разведки с тем, чтобы непрерывно иметь данные о частях противника, действующих на фронте. Добиться в каждые 2–3 дня захвата контрольных пленных на участке каждой стрелковой дивизии, особенно на важнейших направлениях: лозовском, красноармейском, славянском, ворошиловском, куйбышевском, ростовском...»⁷⁵

А 16 апреля Военный совет направления уже прямо потребовал от разведки Южного фронта: «Вскрыть подготовительные мероприятия противника к возможному переходу в наступление весной и установить начало и характер перегруппировки войск противника перед фронтом.

Следить за подходом свежих резервов противника из глубины к линии фронта, установить районы сосредоточения этих резервов и вскрыть подготавливаемое противником направление главного удара.

Следить за подвозом всех видов снабжения и особенно за поступлением новых образцов артиллерии, танков и стрелкового оружия.

⁷² ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 83. Л. 300–302.

⁷³ Там же. Ф. 228. Оп. 754. Д. 129. Л. 275–276.

⁷⁴ Там же. Ф. 228. Оп. 754. Д. 83. Л. 102.

⁷⁵ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 83. Л. 229.

Следить за мероприятиями противника по восстановлению танковых соединений, за их, возможно, новой организацией, новыми методами применения танков на поле боя»⁷⁶.

Неправильно было бы считать, что разведке удалось решить поставленные задачи, однако полученные сведения все же позволяли сделать вывод: противник готовится к наступлению. Особенно это было заметно на смежных флангах 9-й и 57-й армий, то есть там, где его удара больше всего и следовало опасаться. Однако реакция С.К. Тимошенко была весьма своеобразной. Он не придавал этим сообщениям должного значения, считая их в значительной мере дезинформацией.

Это не было случайным. Успехи зимнего наступления советских войск у значительной части командного и политического состава породили настроения благодушия и излишней самоуверенности; широкое распространение получило мнение о том, что немцы, мол, после тяжелых поражений не в состоянии проводить широкомасштабные наступательные операции и не смогут добиться того, что им удалось в сорок первом году. Немалую роль сыграла и установка И.В. Сталина «о полном разгроме немецко-фашистских захватчиков в 1942 году». Это, естественно, не могло не коснуться и главкома, и командующих армиями.

Н.Г. Лященко вспоминает, как бойцы и командиры, пробравшиеся через линию фронта из вражеского окружения, сообщали, что в Славянске и других городах противник срочно ремонтирует танки, их боевыми машинами забиты цеха действующих заводов. Когда он доложил об этом командующему 9-й армией Ф.М. Харитонову, тот заявил, что в ближайшее время немецкие войска не способны к наступлению – у них недостаточно сил для активных действий. А что касается «окруженцев», то их сведения, мол, надо брать под сомнение: не исключено, что кое-кто заслан немцами. В свою очередь командарм кратко проинформировал Н.Г. Лященко о нашем предстоявшем большом наступлении.

Разумеется, далеко не все придерживались подобного мнения. В конце апреля, когда 57-я армия двинулась в направлении Лозовой, а ее место заняла 9-я армия, у того же Н.Г. Лященко состоялся разговор с командармом К.П. Подласом, который мы приводим дословно: «... Николай Григорьевич, на прощание (в тот момент 106-я стрелковая дивизия, которой командовал Лященко, передавалась в 9-ю армию. – *Авт.*) хочу тебе дать совет, не посчитай его за назидание молодому комдиву. От чистого сердца говорю. Не нравится мне, что за последнее время, не знаю с чьего легкого словца, пошла молва о том, что, мол, немцев мы уже разгромили под Ростовом, Москвой и т. д. Теперь шапками забросаем врага. Не дай себе утвердиться в этой мысли. Фашисты еще сильны. И воспользуются малейшим просчетом... Дороги вот-вот начнут подсыхать, как бы фашисты не двинулись в новое наступление. По сведениям разведки, они усиленно начали подготовку техники в тылах. Не дай противнику застать себя врасплох»⁷⁷.

Надо полагать, что своими мыслями К.П. Подлас делился не только с подчиненными ему командирами.

Примерно в середине апреля Военный совет Юго-Западного фронта решил для лучшего уяснения поставленных армиям задач провести в Купянске, в штабе 38-й армии, совещание с участием командующих армиями, членов военных советов армий, командиров кавалерийских и танковых соединений и начальников родов войск фронта. На нем были подробно освещены итоги зимнего наступления войск фронта, дана оценка создавшейся к весне оперативно-стратегической обстановки на самом юго-западном направлении, уяснены основные цели Харьковской операции и поставленные перед войсками Юго-Западного фронта задачи.

Участник этого совещания, командующий 38-й армией К.С. Москаленко (кстати, он указывает, что совещание состоялось в двадцатых числах марта, но, скорее всего, И.Х. Баграмян более точен. Каких-либо документов о совещании пока не обнаружено. – *Авт.*), вспоминает:

⁷⁶ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 83. Л. 134.

⁷⁷ Лященко Н.Г. Годы в шинели. Кн. 2. С. 150.

«Открывая заседание, маршал С.К. Тимошенко подчеркнул, что в результате поражений, нанесенных немецко-фашистским войскам в ходе зимней кампании, инициатива боевых действий захвачена Красной Армией. Далее он обратился к ситуации на юге и охарактеризовал ее как выгодную для Красной Армии. В течение зимы, говорил он, главное командование Юго-Западного направления навязывало свою волю противнику, выбирало место и время нанесения ударов. Главнокомандующий отметил, что хотя наступление на стыке Юго-Западного и Южного фронтов в январе – феврале и в марте не достигло поставленных целей, так как проводилось ограниченными силами, тем не менее врагу нанесен чувствительный урон. Кроме того, эти операции способствовали занятию выгодных исходных рубежей для ликвидации харьковской группировки противника. Затем маршал Тимошенко сказал, что уже в ближайшее время мы сможем привлечь для разгрома врага значительные силы, и в связи с этим предложил подвести итоги зимней кампании и наметить план боевых действий на весенне-летний период 1942 года»⁷⁸.

И.Х. Баграмян проанализировал сложившуюся обстановку и сделал вывод: харьковская группировка противника не могла начать активных боевых действий до прибытия значительного пополнения личным составом и материальной частью, восстановления оперативного построения войск и подхода крупных оперативных резервов. Детализировав высказанное маршалом Тимошенко убеждение в том, что лишь с наступлением тепла немецкие войска начнут активные действия, начальник штаба сообщил: по данным, поступившим из различных источников, противник начал сосредоточение резервов, в том числе значительного числа танков, в районах восточнее Гомеля, Кременчуга, Кировограда и Днепропетровска, что подтверждало его намерение предпринять весной решительные наступательные действия. Об этом же свидетельствовали показания пленных.

Сделав вывод, что вражеское командование может начать активные действия в середине мая, Баграмян охарактеризовал противоборствующие силы на юге советско-германского фронта. Наши войска, по его мнению, имеют большие преимущества и поэтому должны предупредить врага, разгромить его силы и выйти на рубеж среднего течения Днепра.

Москаленко указывает в мемуарах, что и он, и другие командармы выражали сомнения в возможности осуществления ширококомасштабных наступательных планов. Баграмян же в свою очередь утверждает обратное: «Участники совещания, в том числе и все без исключения командующие армиями, встретили с полным единодушием решение провести операцию по освобождению Харькова от немецко-фашистских оккупантов».

Как бы то ни было, по версии К.С. Москаленко, члены Военного совета, настроенные оптимистически, постарались рассеять сомнения некоторых командиров, заверив, что операции на намечаемую большую глубину будут планироваться последовательно, дивизии получают недостающее пополнение и вооружение, для обучения личного состава отводится необходимое время. Танков будет достаточно и для непосредственной поддержки пехоты, и для создания подвижных ударных групп. Н.С. Хрущев заявил, что сам Сталин поставил перед войсками фронта задачу, и это уже является гарантией успеха.

Отсюда командармам нетрудно было сделать вывод, что возложенная на них задача связана с ширококомасштабными планами Ставки и, возможно, имеет особое значение для всей весенне-летней кампании. А коль это так, то Ставка должна позаботиться о должном усилении армий, выделенных для участия в наступательной операции.

Первоначально наступление на северном участке фронта предполагалось вести силами 28-й и 21-й армий. 10 апреля была издана директива Юго-Западного фронта, которая предписывала 38-й армии передать вновь сформированному полевому управлению 28-й армии четыре стрелковые дивизии в их полосах обороны, мотострелковую бригаду, кавалерийский корпус

⁷⁸ Москаленко К.С. На юго-западном направлении. 1941–1943. Воспоминания командарма. В 2 кн. Кн. 1. М., 1979. С. 169.

и почти все средства усиления. 38-я армия получала из 6-й армии две стрелковые дивизии в занимаемых полосах. Ей ставились следующие задачи: «Прочно оборонять занимаемый рубеж, и особенно направления Чугуев, Купянск и Балаклея, Изюм. С начала наступления 28-й и 6-й армий активизировать оборону с целью сковывания противостоящих сил противника»⁷⁹.

Однако затем это решение было пересмотрено. Проверив подготовку 38-й армии к обороне, С.К. Тимошенко поделился с ее командующим своим новым замыслом: «Не надоело сидеть в обороне? – улыбаясь, спросил он, когда вернулись на командный пункт армии. И, не дав мне ответить, продолжал: – Знаю, надоело, и не одному тебе. Все мы предпочитаем наступление...»

Я полагал, что Семен Константинович собирается объяснить значение поставленной 38-й армии задачи на оборону, и уже приготовился сказать, что оно мне вполне понятно. Но маршал Тимошенко предостерегающе поднял руку: «Помолчи. Не перебивай, слушай внимательно, – откинувшись на спинку стула, он говорил медленно, как бы взвешивая каждое слово. – Все время думаю о предстоящем наступлении. Беспокоит меня ударная группировка на старосалтовском плацдарме, руководимая штабом 28-й армии. Ударная группировка должна стремиться только вперед, не оглядываясь на свои фланги. Сможет ли? Справа ее действия прикроет Гордов. Фронт у 28-й армии широкий, штаб молодой, не сколочен, не имеет опыта руководства войсками в наступлении. Кто-то другой должен обеспечивать ее слева. Он же должен нанести удар в южном направлении и отрезать чугуевскую группу врага от Харькова...»

«Кто же будет слева? – продолжал маршал С.К. Тимошенко. – Ясно, 38-я армия. Решено, принимай у 28-й армии часть полосы наступления и подготавливай войска. Участок фронта от Балаклеи на запад передай Городнянскому».

Как бы сбросив тяжкий груз с плеч, главнокомандующий повеселел. Почти сразу же после этого он уехал на свой командный пункт. На следующий день, 28 апреля, я получил оперативную директиву, согласно которой нам передавалась половина старосалтовского плацдарма. 38-я армия получила три стрелковые дивизии с полосами обороны, три танковые бригады и артиллерийские полки РГК на усиление.

Работа в штабе армии закипела. Оставалось мало дней, а забот было много»⁸⁰.

В упомянутой директиве вносились также изменения и уточнения в задачи войск Юго-Западного фронта. Прорыв обороны противника решено было осуществить на двух участках. На северном, протяженностью 55 км, должны были действовать силы 28, 21 и 38-й армий, на южном в полосе 36 км – 6-й армии и оперативной группы под командованием генерала Л.В. Бобкина.

В ходе предстоявшей операции армии должны были выполнить следующие боевые задачи: 21-я армия – прочно прикрывать с севера ударную группировку фронта обороной на рубеже Пристенъ, Петровка; 28-я армия – обеспечив вввод в прорыв 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, развивать успех в общем направлении на Харьков; 38-я армия – основные усилия направить на Терновую, во взаимодействии с 6-й армией окружить и уничтожить группировку противника восточнее Харькова; 6-я армия – взаимодействуя с подвижными войсками, наступать в направлении Мерефа, Харьков, а частью сил (три полка) во взаимодействии с 38-й армией нанести удар из района Змиева на Терновую с целью ликвидации чугуевского плацдарма.

21-му и 23-му танковым корпусам, которыми командовали генералы Г.И. Кузьмин и Е.Г. Пушкин, приказывалось к исходу пятого дня операции выйти в район Водолага, Мерефа, перерезать все пути из Харькова на юго-запад. В дальнейшем эти корпуса во взаимодействии с частями 3-го гвардейского кавалерийского корпуса должны были завершить окружение харь-

⁷⁹ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 186.

⁸⁰ Москаленко К.С. На юго-западном направлении. Кн. 1. С. 176–177.

ковской группировки противника. 6-му кавалерийскому корпусу ставилась задача к исходу пятого дня операции овладеть Красноградом и обеспечить 6-ю армию от контрударов с запада и юго-запада. 2-й кавалерийский корпус, находившийся во фронтовом резерве, имел задачу быть в готовности к нанесению контрударов в случае, если противник предпримет ответные действия против наших войск на барвенковском плацдарме.

В соответствии с принятым решением армиям были указаны полосы наступления, участки прорыва и выделяемые средства усиления. Они наступали в полосе от 15 (28-я армия) до 130 км (21-я армия), имея участки прорыва от 14 (21-я армия) до 26 км (38-я армия). На них сосредоточивалось от трех (в 21-й армии) до шести дивизий (в 28-й и 6-й армиях). Наибольшим количеством средств усиления располагали 28-я и 6-я армии (9–14 артиллерийских полков РВГК, по четыре стрелковые бригады, по 5–6 инженерно-саперных батальонов). Действуя на направлениях главных ударов, эти армии имели подвижные группы и строили свой боевой порядок в два эшелона. Остальные армии вторых эшелонов не имели. Плотность сил и средств на участках прорыва была значительно ниже даже предвоенных нормативов и в шесть раз ниже тех, которые будут достигнуты в наступательных операциях советских войск в 1944–1945 гг.

Глубина боевых задач первого этапа наступления определялась в 20–30, второго – 15–30 км.

Ввиду ограниченных возможностей авиации основные задачи по огневому поражению противника возлагались на артиллерию. К началу операции фронт имел восемнадцать артиллерийских полков резерва Ставки ВГК и четырнадцать артиллерийских полков, переданных ему на усиление из состава Южного фронта. Из этих тридцати двух полков тринадцать сосредоточивались на участке прорыва южной ударной группы, наносившей главный удар, остальные обеспечивали наступление северной ударной группы. Таким образом, распределение артиллерии не соответствовало важности задач, выполнявшихся войсками в операции. Это отразилось и на созданных плотностях артиллерии на участках прорыва. Ее плотность в армиях северной ударной группы составляла в среднем 60 орудий и минометов в 28-й армии и около 19 орудий и минометов – в 38-й армии. На участке прорыва 6-й армии она не превышала 32 орудий и минометов на 1 км фронта. Следует отметить также, что четырнадцать артиллерийских полков к началу наступления не успели завершить перегруппировку и в артиллерийской подготовке не участвовали.

Командование Юго-Западного фронта отдало специальные указания об использовании артиллерии в наступлении. В них подчеркивалось, что «при небольших плотностях артиллерии и ограниченном отпуске боеприпасов массирование огня приобретает исключительно важное значение. Маневр траекториями может быть осуществлен только жестким централизованным управлением».

Группировка артиллерии в армиях была обычной для того времени. В масштабе армии создавались армейские артиллерийские группы, предназначавшиеся для подавления артиллерии, резервов противника и для усиления огня групп поддержки пехоты на важнейших направлениях. В 6-й армии, например, армейская артиллерийская группа состояла из 3-го и 7-го гвардейских, 671-го и 209-го артиллерийских полков, 5-го и 55-го гвардейских минометных полков, 206-го отдельного гвардейского минометного дивизиона и обеспечивалась 834-м отдельным разведывательным артиллерийским дивизионом. Армейская группа делилась на правую и левую подгруппы, которые действовали в полосах стрелковых дивизий, наступавших на направлении главного удара.

Как видим, с точки зрения огневого поражения противника при подготовке операции допускались серьезные просчеты. Они были связаны с неудовлетворительной организацией перегруппировок, с непродуманным использованием артиллерии вторых эшелонов и подвиж-

ных групп. Были и объективные причины: ограниченное количество орудий и минометов, слабая обеспеченность боеприпасами.

В ходе подготовки к наступлению было спланировано использование авиации. В ночь перед атакой предусматривалось нанесение ночной авиацией удара по тылам, узлам связи и опорным пунктам немецких войск. С началом артиллерийской подготовки вся авиация Юго-Западного фронта (150 бомбардировщиков и штурмовиков) должна была действовать на участках прорыва армий, нанося удары по опорным пунктам, живой силе, огневым позициям артиллерии и минометов. С момента атаки она должна была переключиться на подавление резервов, нарушение движения через основные узлы дорог в ближайшем тылу противника и обеспечение действий подвижных групп.

Подготовка военно-воздушных сил к операции проходила в сложных метеоусловиях и при неблагоприятном соотношении сил. В дневное время могли летать только 93 самолета, остальные – только в ночное время. Поэтому превосходство в дневных бомбардировщиках было на стороне противника и составляло 3,3:1. Трудности усугублялись недочетами в управлении воздушными силами: на период проведения наступательной операции авиация Юго-Западного фронта усиливалась 233 самолетами за счет Южного фронта, но все они оставались в подчинении командующего ВВС этого фронта. Фактически они в операции участия не принимали. Распоряжением командующего войсками Юго-Западного фронта авиация распределялась по армиям, то есть управление ею было децентрализованным. Вместе с тем задачи авиации ставились не только командующими армиями, но и командующими войсками фронта.

К началу наступления советское командование сосредоточило на юго-западном направлении довольно сильную танковую группировку в составе трех танковых корпусов (21, 22 и 23-й) и девяти отдельных танковых бригад (5, 6, 7, 10, 37, 38, 42, 87 и 90-я). В них насчитывалось 925 танков⁸¹, то есть почти на 100 больше намеченного ранее. Отдельные танковые бригады использовались для непосредственной поддержки пехоты стрелковых дивизий первого эшелона.

22-й танковый корпус был придан 38-й армии. Командующий армией решил использовать его децентрализованно, придав бригады стрелковым дивизиям. 21-й и 23-й танковые корпуса составили подвижную группу Юго-Западного фронта. Ее планировалось ввести в прорыв в полосе наступления 6-й армии с задачей нарастить удар в общем направлении на Люботин и во взаимодействии с соединениями 3-го кавалерийского корпуса завершить окружение харьковской группировки врага⁸².

Формирование этих трех танковых корпусов проходило в сложной обстановке. Не хватало командных кадров, подразделения обеспечения были укомплектованы материально слабо, особенно это касалось создаваемых разведывательных батальонов, отдельных автотранспортных рот, танкоремонтных баз. Трудно решался вопрос создания подразделений управления, обеспечения их радиостанциями, подвижными средствами связи. Командиры 21-го и 23-го танковых корпусов генералы Кузьмин и Пушкин с офицерами вновь создаваемых штабов, кроме всего прочего, должны были решать и задачи подготовки маршрутов выдвижения на рубежи ввода, согласования действий со стрелковыми дивизиями, саперами, артиллерией и авиацией. Только четкое распределение функций между органами управления могло в какой-то степени гарантировать выполнение столь сложных и объемных задач.

В работу по непосредственной подготовке к предстоявшим боям активно включились Военные советы направления, Юго-Западного и Южного фронтов. В первых числах мая главным, член Военного совета, начальник штаба, командующие родами войск фронта побывали в 28-й и 6-й армиях, которым в наступлении на Харьков отводилась главная роль. На протя-

⁸¹ ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 284. Д. 3. Л. 310–313.

⁸² Там же. Ф. 229. Оп. 161. Д. 779. Л. 294.

жении нескольких дней проверялись вопросы планирования операции и подготовки войск к наступлению.

С немалыми трудностями была связана перегруппировка войск Юго-Западного фронта. Многие соединения и части пришлось перемещать вдоль фронта на большие расстояния в период начавшейся весенней распутицы, в условиях ограниченного числа переправ через реки Оскол и Северский Донец, отсутствия оборудованных дорог (маршрутов). Все это требовало от штабов детального планирования выхода войск в свои районы, правильной эксплуатации маршрутов, регулирования движения на них, организации маскировки и надежного прикryтия с воздуха. Необходимо, пожалуй, подчеркнуть, что хотя штабы фронта и армий и работали напряженно, но должной четкости в проведении мероприятий и в управлении войсками они не достигли.

Вследствие несоблюдения скрытности управления, неудовлетворительной маскировки при сосредоточении войск к намеченным участкам немецкое командование разгадало замыслы и приняло меры по усилению обороны на угрожаемых направлениях. По данным, полученным уже в ходе операции, оно резко увеличило плотность войск в главной полосе обороны против ударных группировок Юго-Западного фронта и перед 57-й и 9-й армиями Южного фронта. Боевые группы и смешанные части противника были организационно объединены в пехотные и легкопехотные дивизии, а в оперативной глубине разместились сильные резервы.

Итак, к концу дня 11 мая ударные группировки Юго-Западного фронта в основном заняли исходное положение для наступления. В результате перегруппировок соотношение сил на участках прорыва армий, как это следует из данных таблицы, изменилось в пользу советских войск.

Соотношение сил и средств на участках прорыва армий Юго-Западного фронта к 12 мая 1942 г.⁸³

Армии	Соотношение		
	по пехоте	по орудиям и минометам	по танкам
21 А	2, 3:1	1, 5:1	0, 7:1
28 А	2, 8:1	2, 2:1	2, 1:1
38 А	2, 6:1	1, 4:1	1:1, 3
6 А и оперативная группа	1, 6:1	2, 0:1	11, 8:1

К этому времени завершилось формирование 28-й армии, плановая учеба войск. Развернулись пункты управления и узлы связи. Правда, задача эта решена была не в лучшем виде. Дело в том, что штабы дивизий, армий и фронта располагались на неоправданно большом расстоянии от войск первого эшелона. Расстояние от армейского аппарата управления до линии фронта, например, составляло: командного пункта (КП) 28-й армии – 30 км, вспомогательного пункта управления (ВПУ) – 30 км; КП 6-й армии – 40 км, ВПУ – 22 км; КП оперативной группы – 20 км (ВПУ там не создавался). В большинстве соединений командные пункты дивизи-

⁸³ Военно-исторический журнал. 1987. № 10. С. 48.

зий находились в 4 км, а в некоторых – в 8–10 км от переднего края. Их возможное перемещение в ходе наступления находилось в ведении командиров дивизий. Единая же схема смены пунктов управления ни в армиях, ни во фронте не отработывалась, что само по себе отрицательно повлияло на прохождение информации, на устойчивость управления войсками.

Впоследствии Н.С. Хрущев так подвел итоги подготовительного периода на Юго-Западном фронте: «Все, что по тому времени могли нам дать, дали, хотя и далеко не все, что мы просили. Мы согласились проводить операцию и с этими средствами. Да и никогда ведь Верховное Главнокомандование не удовлетворяло фронты полностью силами и средствами для проведения той или иной операции. Всегда одна сторона просит как можно больше, а другая сторона дает меньше... Мы не сомневались, что и эта операция пройдет у нас удачно...»⁸⁴

Готовились к предстоящим боевым действиям и войска Южного фронта. Военный совет фронта наибольшее внимание уделил созданию устойчивой, развитой в инженерном отношении обороны, насыщенной противотанковыми средствами, а также организации разведки, согласованию действий с южной ударной группировкой Юго-Западного фронта. Делалось это, однако, не всегда последовательно, в чем была определенная вина и штаба направления.

«Надо сказать, – отмечает в этой связи И.Х. Баграмян, – что все мы – главком, штаб и командующие родами войск Юго-Западного направления – еще справлялись с вопросами планирования и подготовки к наступлению на Харьков войск Юго-Западного фронта, протекавших в сложных условиях. Практически мы были лишены возможности контролировать и направлять в нужное русло работу командования и штаба Южного фронта для выполнения поставленных перед ними задач, особенно в части, касающейся организации силами 57-й и 9-й армий прочной обороны барвенковского плацдарма».

Именно поэтому со стороны командования направления не было уделено должного внимания подготовке частной наступательной операции 9-й армии. 7 мая ее соединения начали наступление с целью овладения мощным опорным пунктом противника – селом Маяки. Генерал Харитонов привлек к нему две стрелковые дивизии и танковую бригаду. Ставка делалась на внезапность. Достичь ее не удалось. Необходимо было форсировать Северский Донец, и эта задача оказалась сложнее, чем предполагал командующий армией. Тогда он решил овладеть Маяками в ночное время.

В ночь на 10 мая специально подготовленные в каждом стрелковом полку отряды без артиллерийской подготовки, выслан вперед разведку, начали форсирование. Наметился первый успех – подразделения захватили небольшие плацдармы. С рассветом завязался огневой бой. По приказу Харитонова два артиллерийских полка РВГК поддерживали огнем передовые подразделения. В воздух поднялась армейская авиация. Под ее прикрытием на западный берег переправились главные силы полков. Они с боем продвигались к лесничеству, где противник располагал хорошо подготовленной в инженерном отношении системой сооружений, траншей, ходов сообщения и огневых точек.

На следующий день переправился 5-й кавалерийский корпус – резерв фронта. Он попытался обойти Маяки по лесным дорогам с севера, чтобы совместно со стрелковыми частями атаковать вражеский узел обороны. Но противник держался стойко, и бои приняли затяжной характер.

Последствия этой наступательной операции, потребовавшей значительных сил и средств, оказались весьма трагичными. Харитонova обвиняли в том, что он чуть ли не по собственной инициативе ввязался в сомнительное предприятие с этим опорным пунктом. Но это не так. Операция проводилась с санкции командования Южного фронта, штаб которого был хорошо осведомлен об обстановке в районе Маяков. Да и руководство юго-западного направления тоже было в курсе событий, хотя из-за занятости более важными делами не могло уделить этому

⁸⁴ Вопросы истории. 1990. № 11. С. 75.

участку должного внимания. Во всяком случае, Н.С. Хрущеву навсегда врезалось в память то злополучное село. Он писал: «Мы понимали, что проведению такой операции (наступлению войск Юго-Западного фронта. – *Авт.*) грозит опасность, так как противник имеет, с одной стороны, довольно глубокие на нашем фланге вклинения, достаточно беспокоящие, потому что могут быть использованы для ударов во фланг нашим наступающим войскам. С другой стороны, имелась вражеская группировка, которая находилась в селах у Славянска. Немцы очень упорно держались за эти пункты. Нами тут предпринимались неоднократные усилия освободить центр узла обороны – село Маяки или же прорвать противника, но все попытки оканчивались безрезультатно: мы теряли войска, но не могли продвинуться и ликвидировать немецкие укрепления. Там какая-то речонка впадала в Северский Донец, на южном ее берегу имелся выступ, где сосредоточились силы противника. Мы опасались этого участка...

Явная неопытность наших командующих сказалась и в том, что, хотя мы не могли взять этот вражеский плацдарм, было все же решено начать наступление, пренебрегая возможностью флангового удара противника. Мы считали, что, когда ударим на запад и окружим Харьков, данный участок просто потеряет свое значение и падет сам собою в результате продвижения наших войск на главном направлении. Как потом показала жизнь, это оказалось роковой недооценкой значения вражеского плацдарма.

Противник, удерживая фланги, имел свои планы по окружению группировки наших войск, которая была введена в дугу, образованную в ходе зимнего наступления. Получалось самое короткое расстояние между его флангами, откуда можно было начать окружение наших войск. Но тогда мы недооценили опасность и спокойно начали готовиться к весенне-летней операции»⁸⁵.

11 мая Ставка получила сообщение, что Юго-Западный фронт к наступлению готов. Наступила ночь на 12 мая 1942 г. «Учитывая, что день будет тяжелый – трудно было сказать, когда и где бойцы получат передышку, – вспоминал А.В. Горбатов, – мы дали указание: ужином накормить до 20 часов, в 21 час людей уложить спать и обеспечить всем девятичасовой сон, подъем произвести в 6 утра, с началом артподготовки, а до семи раздать сытный завтрак...

С четырех часов я был на ногах. Было уже светло, но все спали крепким сном... На НП дивизии мой заместитель подполковник Лихачев доложил, что все готово, часы сверены, до артподготовки осталось пять минут...»⁸⁶

⁸⁵ Вопросы истории. 1990. № 11. С. 73–74.

⁸⁶ Горбатов А.В. Годы и войны. М., 1965. С. 212–213.

Глава 4

Удар и контрудар

В 6 часов 30 минут 12 мая на участке прорыва северной ударной группировки артиллерия нанесла первый огневой удар по опорным пунктам противника. Артиллерийская подготовка продолжалась ровно час. За двадцать минут до ее окончания советская авиация совершила массированные налеты по районам огневых позиций артиллерии и узлам сопротивления врага в его главной полосе обороны. В 7 часов 30 минут в атаку устремилась пехота. Вместе с ней действовали танки. Артиллеристы приступили к огневой поддержке атаки.

Довольно успешно решались задачи прорыва немецкой обороны в полосе правогофланговой 21-й армии. Этому не в малой степени способствовало то, что еще вечером 11 мая специально подготовленные отряды из частей первого эшелона 76-й стрелковой дивизии неожиданно для противника форсировали Северский Донец и захватили на его левом берегу два небольших плацдарма. Туда по решению командира дивизии полковника Г.Г. Воронина ночью переправились главные силы. С этих плацдармов и перешла дивизия в наступление, вклинившись к полудню в оборону немецких войск в полосе до 5 км по фронту и на 3–4 км в глубину. Ее успех умело использовали части соседней 293-й стрелковой дивизии.

Менее успешно действовали соединения 28-й армии. В полосе ее наступления развернулись тяжелые, кровопролитные бои. Противник, как выяснилось, хорошо укрепил этот участок обороны, создав высокие тактические плотности и подготовив населенные пункты к круговой обороне. И только воинам 13-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерала А.И. Родимцева удалось прорвать оборону врага и разгромить его в опорном пункте Перемога. В этом им помогли гвардейцы 90-й танковой бригады.

Наибольшую результативность имели бои в полосе 38-й армии. «Лучше всех действовала 226-я стрелковая дивизия генерал-майора А.В. Горбатова, усиленная 36-й танковой бригадой (командир полковник Т.Н. Танасчишин), – вспоминал ее командующий генерал Москаленко. – Она в короткий срок прорвала тактическую глубину обороны гитлеровцев и перешла затем к преследованию разбитых подразделений 294-й и 211-го полка 71-й пехотных дивизий. После короткого, стремительного боя дивизия овладела важным узлом сопротивления противника в населенном пункте Непокрытое, продвинувшись за день на 10 км. Успех сопутствовал и 124-й стрелковой дивизии полковника А.К. Берестова, совместно с которой действовала 13-я танковая бригада (командир полковник И.Т. Клименчук). Эта дивизия форсировала р. Большая Бабка и двумя ударами – с востока и (используя успех соседа справа) с севера – овладела селом Песчаное, где противник создал крупный опорный пункт на своем переднем крае»⁸⁷. Как свидетельствует бывший командир 226-й стрелковой дивизии, ее воины «захватили 126 пленных, 28 орудий, 20 минометов, 45 пулеметов, много боеприпасов и другие трофеи»⁸⁸.

В этих боях 1-й танковый батальон под командованием капитана М.Д. Шестакова во взаимодействии со стрелковыми подразделениями и артиллеристами получил приказ форсировать р. Большая Бабка и атаковать противника, укрепившегося на высоте с отметкой 199,0. Враг был ошеломлен, когда краснозвездные боевые машины огнем и гусеницами стали уничтожать его огневые точки и живую силу. Выделив для конвоирования пленных один из экипажей, командир батальона устремился к селу Непокрытое. При подходе к нему обнаружилась одна из вражеских батарей крупнокалиберных орудий. По приказу комбата механик-водитель старший сержант П.Л. Перепелица направил свою «тридцатьчетверку» на ее огневую позицию.

⁸⁷ Москаленко К.С. На юго-западном направлении. Кн. 1. С. 192.

⁸⁸ Горбатов А.В. Годы и войны. С. 214.

Одну за другой танк раздавил четыре пушки. Вот-вот под гусеницами окажется пятая. Неожиданно от сильного удара машина вздрогнула. На броне появились языки пламени. Гарь и дым стали проникать вовнутрь танка. Но «тридцатьчетверка» продолжала маневрировать.

«Оставить машину!» – приказал комбат Перепелице и сам тоже стал выбираться из горячей машины. Но при попытке пересесть на другой танк, чтобы продолжать руководить боем, он был сражен вражеской пулей. А механик-водитель не выпускал из рук рычагов управления. Вот еще одно вражеское орудие попало под гусеницы боевой машины. Поликарп Перепелица громил врага до тех пор, пока его танк не взорвался⁸⁹.

В итоге первого дня наступления войска северной ударной группировки прорвали главную полосу вражеской обороны, продвинувшись на глубину от 6 до 10 км. Южная ударная группировка, сломив сопротивление противника на более чем сорокакилометровом фронте, вклинилась в глубь обороны 51-го и 8-го немецких армейских корпусов на 12–15 км. Соединения 6-й армии и группа генерала Бобкина достигли его второго оборонительного рубежа, созданного на западном, возвышенном, берегу р. Орель. Бои здесь не прекращались и ночью. Тогда же начали выдвигание соединения второго эшелона 6-й армии.

Штаб Юго-Западного фронта доложил в Ставку ВГК, что в ходе боев захвачено 2 танка, 67 орудий, 42 пулемета, 10 автомашин, 8 минометов, 3 склада. 181 человек сдался в плен. Авиация фронта уничтожила 8 танков, 139 автомашин, 34 орудия, 4 миномета. В воздушных боях и зенитным огнем было сбито 12 вражеских самолетов⁹⁰.

Успешно начавшееся наступление войск фронта не на шутку встревожило командование 6-й немецкой армии. Бывший 1-й адъютант этой армии Вильгельм Адам писал: «Подготовка к переброске наших войск для летней кампании 1942 года шла полным ходом. Но на долю 6-й армии выпало еще одно тяжелое испытание. Советские соединения, располагавшие значительными силами, включая и многочисленные танки, предпринимали 12 мая новое наступление с изюмского выступа и под Волчанском. Для нас создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков прорвать нашу оборону. 454-я охранная дивизия не устояла перед натиском... Пришлось отвести километров на десять назад и 8-й армейский корпус, так как венгерская охранная бригада под командованием генерал-майора Абта не смогла противостоять наступающему противнику. Советские танки стояли в 20 километрах от Харькова...»

Почти столь же серьезным было положение под Волчанском, северо-восточнее Харькова. Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника⁹¹.

Адаму вторит П. Карель, который, следует заметить, очень свободно обращается с фактами, особенно что касается соотношения сил на этом участке фронта и участвовавших в противоборстве войск. «12 мая он (Тимошенко. – *Авт.*) внезапно большими силами начал свою охватывающую операцию против 6-й армии генерала Паулюса. Северную клешню удара составила 28-я советская армия с шестнадцатью стрелковыми и кавалерийскими дивизиями, тремя танковыми и двумя механизированными бригадами. Это было подавляющее превосходство против двух немецких армейских корпусов генералов Холлидта и Зейдлица общей численностью в шесть дивизий. Еще большими силами нанес Тимошенко удар на юге – здесь в 6-й и 57-й (?) армиях было 26 стрелковых и 18 кавалерийских дивизий, 14 танковых бригад против позиций 8-го корпуса генерала артиллерии Гейтуа и 6-го румынского корпуса. Разумеется, полдюжины немецких и румынских дивизий не могли противостоять такому подавляющему

⁸⁹ *Исаев С.И., Левченко В.Н.* Герои – освободители Харьковщины. С. 267.

⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 842. Л. 60–62.

⁹¹ *Адам В.* Трудное решение. С. 40.

превосходству, хотя генерал Паулюс и бросил все, что было возможно, против прорвавшихся русских...»⁹²

Занервничал и командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Э. фон Бок. 12 мая он записал в своем дневнике: «В полосе 6-й армии противник перешел в наступление крупными силами при поддержке многочисленных танков из северо-западного фаса изюмского выступа и из района Волчанска. Еще до полудня стало ясно, что на обоих участках он достиг глубоких прорывов. Я запросил разрешения на использование 23-й танковой дивизии и получил его, но с условием, что соединение сохранит полностью боеспособность для участия в операции «Фридрикус-1». После полудня я установил, что прорыв в полосе 8-го армейского корпуса приобрел весьма угрожающие формы... Вечером противник был в 20 км от Харькова. Я позвонил Гальдеру и сказал, что о начале операции «Фридрикус-1» в ранее назначенный срок не может быть и речи. Гальдер возразил, что приказ фюрера не подлежит обсуждению.

– Недопустимо, – сказал он, – расходовать силы для политических целей, они необходимы для решающей операции.

Я ответил, что речь идет отнюдь не о политике, а о жизни и смерти, и продолжал, что считаю необходимым собрать резервы в один кулак, ни в коем случае не распылять их и использовать самым энергичным образом для восстановления положения.

– В таком духе, – заключил я, – и будут поставлены задачи Паулюсу»⁹³.

Выполняя распоряжение фон Бока, генерал Паулюс в течение первого же дня наступления Юго-Западного фронта выдвинул из Харькова в районы Приволья и Запорожья 3-ю и 23-ю танковые дивизии, до трех полков пехоты из состава 71-й и 44-й пехотных дивизий. Эти войска предназначались для нанесения контрудара по левому флангу ударной группировки в общем направлении на северо-восток. 4-й воздушный флот под командованием генерала Рихтгофена получил задачу обеспечить его мощной поддержкой авиации.

Органы советской разведки своевременно вскрыли местонахождение тактических резервов противника, но не выявили оперативные. Правда, авиация обнаружила сосредоточение вражеских танков на левом фланге северной ударной группировки; прибытие трех пехотных полков выявилось позднее. В предвидении подобного маневра со стороны немецкого командования главком направления приказал командующему 38-й армией в течение ночи вывести из боя 22-й танковый корпус и сосредоточить его к утру 13 мая за левым флангом ударной группы армии для парирования обозначавшегося контрудара врага.

Анализируя итоги действий северной группировки за день, маршал Тимошенко пришел к выводу, что, в общем, наступление развивается по плану. Очень тревожило главкома появление двух немецких танковых дивизий. Судя по всему, Паулюс посчитал, что наступление из района Волчанска является самым опасным, и поэтому принял решение ввести в сражение на этом направлении свои танковые силы.

Отдавая генералу К.С. Москаленко распоряжение о выводе из боя 36, 13 и 133-й танковых бригад 22-го танкового корпуса, Тимошенко надеялся, что командарм сможет успешно отразить контрудар. Кстати, документы свидетельствуют, что именно в тот вечер в разговоре с маршалом Москаленко предложил перенести направление главного удара в полосу наступления 38-й армии. Он полагал, что прорыв дивизии под командованием А.В. Горбатова тактической зоны обороны врага должен значительно облегчить не только разгром 3-й и 23-й танковых дивизий противника, но и ликвидацию всей его харьковской группировки. Главком не согласился с доводами командарма, посчитав, что довольно сильная 28-я армия, оба фланга которой были хорошо обеспечены соседними соединениями, в последующем выполнит возложенную на нее главную задачу и освободит Харьков.

⁹² Carell P. Unternehmen Barbarossa II.S. 402.

⁹³ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 230–231.

На второй день войска северной группировки при активной поддержке авиации продолжили атаки на прежних направлениях. В полосе наступления 21-й армии 76-я и 293-я стрелковые дивизии соединились на западном берегу Северского Донца, образовав плацдарм, достаточный для накапливания сил и средств, способных прорваться в глубь вражеской обороны. Главком отдал указания генералу В.Н. Гордову ускорить продвижение войск на запад и овладеть опорными пунктами противника в Графовке и Муроме. Однако организация наступления в полосе действий этих двух дивизий оставляла желать лучшего. Им не удалось преодолеть упорное сопротивление врага. Правда, соседняя 227-я дивизия, действовавшая на левом фланге 21-й армии, обошла Муром с юга, продвинулась на 12 км, овладела важной в тактическом отношении высотой у поселка Высокий.

На направлении главного удара соединения 28-й армии утром ликвидировали упорно оборонявшийся гарнизон в Варваровке, но выбить противника из Терновой не сумели. Командарм по указанию главкома решил форсировать наступление своих левофланговых соединений в юго-западном направлении, учитывая успех 226-й и 124-й дивизий 38-й армии. Генерал Рябышев стремился овладеть опорным пунктом врага в селе Покровское, поставив эту задачу 224-й и 13-й гвардейской дивизиям. При поддержке 57-й и 90-й танковых бригад они с упорными боями продвинулись еще на 6 км. Противнику было трудно сдерживать наступательный порыв советских войск. Так, 6-я стрелковая рота 39-го гвардейского полка во главе со старшим лейтенантом П.Г. Машенко во время артподготовки вышла на рубеж перехода в атаку и затем ворвалась в расположение врага. Овладев господствующим в этом районе небольшим курганом, воины в короткой схватке истребили пехотный взвод и захватили семь пулеметов. Дерзко и умело действовали бойцы разведвзвода под командованием лейтенанта И.Я. Подкопая. Скрытно пройдя лесной массив, разведчики перерезали пути отхода отступающего противника, а затем из засады у села Купьеваха внезапно атаковали пехотную роту, уничтожили около пятидесяти и захватили в плен три десятка немецких солдат.

Во время боя за село Перемога начальник штаба 1-го батальона 39-го гвардейского стрелкового полка старший лейтенант И.И. Исаков с группой стрелков умело обошел с фланга артиллерийскую батарею противника и уничтожил ее орудийные расчеты. Захватив шесть исправных гаубиц, гвардейцы открыли из них огонь по врагу. Группа бойцов во главе с начальником штаба 2-го батальона этого же полка старшим лейтенантом М.Д. Кириным ворвалась на северную окраину Перемоги, в короткой схватке уничтожила около двух десятков вражеских солдат, захватила четыре орудия и склад боеприпасов.

В результате напряженных боев 13-я гвардейская дивизия отбросила противника на 12–15 км, захватила до 60 исправных орудий и минометов, до 80 пулеметов, 17 радиостанций, несколько складов с боеприпасами и продовольствием⁹⁴.

К исходу дня соединения 28-й армии вышли на подступы к Харькову, на линию высот, обступавших город с востока.

Соединения 38-й армии 13 мая продолжали наступать и в первой половине дня продвинулись на 6 км. На своем правом фланге и в центре они овладели несколькими населенными пунктами, в том числе селом Ново-Александровка.

В 13 часов на командный пункт фронта позвонил К.С. Москаленко. Он доложил, что противник при мощной поддержке авиации крупными силами танков наносит контрудар в направлении Старого Салтова во фланг наступающим войскам. Как выяснилось позже, немецкое командование в течение ночи и первой половины дня 13 мая сумело сосредоточить две подвижные группировки. Одна из них включала 3-ю танковую дивизию и два полка 71-й пехотной дивизии, в другую группировку вошли 23-я танковая дивизия и полк 44-й пехотной дивизии. Каждая из группировок насчитывала по 150–200 танков. Такого сильного удара массы

⁹⁴ Самчук И.А. Тринадцатая гвардейская. 2-е изд. М., 1971. С. 84–85.

танков с пехотой при мощной поддержке авиации дивизии 38-й армии не выдержали и отошли на восточный берег р. Большая Бабка.

Выход танков противника в район Старого Салтова позволял ему отрезать выдвинувшиеся вперед главные силы северной ударной группировки, которые могли потерять выгодный плацдарм на западном берегу Северского Донца. Главком немедленно распорядился передать из резерва 28-й армии в распоряжение Москаленко 162-ю стрелковую дивизию под командованием полковника М.И. Матвеева и 6-ю гвардейскую танковую бригаду, которой командовал подполковник М.К. Скуба. Командующему 38-й армией надлежало прочно закрепиться на восточном берегу Большой Бабки, не теряя локтевой связи с соседней 28-й армией.

Самым неприятным событием в этот день явилось то, что выдвинувшийся вперед южный фланг 28-й армии оказался обнаженным. Одновременно с танковым контрударом Паулюс постарался укрепить свою оборону в полосе наступления этой армии, усилив 79-ю и 294-ю пехотные дивизии. Для этого в районы населенных пунктов Липцы и Веселое в течение 13 мая он перебросил два пехотных полка.

Следовательно, если удар на Харьков с северо-востока начал тормозиться уже 13 мая, то наступление южной ударной группировки шло довольно успешно. Соединения 6-й армии вели упорные бои за Верхний Бишкин и Верхнюю Береку. Утром 411-я и 266-я стрелковые дивизии, прорвав вражескую оборону на восточном берегу р. Орель и отбив несколько контратак, форсировали реку. Вечером они завязали бой за опорные пункты противника на правом берегу. Тот понял, какую угрозу представляет для него выдвинувшийся вперед 6-й кавалерийский корпус (им командовал генерал А.А. Носков), и бросил сюда силы до пехотного полка при поддержке танков. Но кавалеристы отбили все контратаки и продолжали наступление.

Фон Бок информировал Гитлера о том, что ситуация в полосе 6-й армии продолжает оставаться весьма серьезной: прорыв советских войск у Волчанска по сравнению с прошедшим днем значительно углубился на север. Фельдмаршал высказался за отсрочку начала операции «Фридрикус-1», чтобы использовать часть сил из группы Клейста для нанесения удара в тыл войскам Юго-Западного фронта, прорвавшим оборону армии Паулюса под Волчанском. Гитлер ответил, что требуемые фон Бокот войска следует подготовить к переброске, но с самой перегруппировкой пока подождать⁹⁵.

Таким образом, в ходе напряженных боев соединения южной ударной группировки прорвали тактическую оборону противника на всю глубину. Ширина участка прорыва достигла 50 км. В полосе 6-й армии глубина прорыва составила 16 км, группы генерала Л.В. Бобкина – 20 км. Это было достигнуто благодаря своевременному вводу в сражение 6-го кавалерийского корпуса. Южнее Харькова были разбиты основные силы 108-й венгерской легкопехотной дивизии и 62-й немецкой пехотной дивизии. Серьезные потери понесли некоторые части 113-й пехотной дивизии. Согласно докладу штаба фронта противник потерял 55 танков. Еще 50–60 машин было повреждено. В качестве трофеев наступавшим досталось 77 орудий, 37 пулеметов, 37 минометов, 4 танка, 12 автомашин, был захвачен 151 пленный⁹⁶. Следует обратить внимание еще на две цифры: в воздушных боях было сбито 14 вражеских самолетов, но на свои аэродромы не вернулись 25 машин⁹⁷. Это означало, что потери ВВС фронта вдвое превысили потери противника. Вывод: немецкое командование значительно усилило свою авиационную группировку, и это оказало самое негативное влияние на последующий ход событий.

По плану операции после прорыва тактической обороны противника и достижения стрелковыми дивизиями рубежа Верхняя Берека, Ефремовка для развития успеха наступления на Харьков намечался ввод в прорыв подвижной группы фронта, состоявшей из двух танко-

⁹⁵ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 231.

⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 842. Л. 228–230.

⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 842. Л. 231.

вых корпусов. Для этого созрела относительно благоприятная оперативная обстановка. Необходимо было в ночь на 14 мая выдвинуть в исходные районы 21-й и 23-й корпуса и с раннего утра нанести ими удар на город. Однако главком не воспользовался этим. Он отказался от намеченного по плану операции ввода в сражение танковых корпусов под влиянием докладов от командующих 38-й и 28-й армий, решив на следующий день перенацелить авиацию, которая поддерживала наступление южной ударной группировки, на прикрытие северной группы. Вводить же в прорыв танковые корпуса без поддержки с воздуха маршал Тимошенко поостерегся, предполагая сделать это тогда, когда стрелковые дивизии 6-й армии достигнут рубежа р. Берестовая.

Отказ от использования подвижных соединений 14–15 мая для наращивания удара стрелковых дивизий отрицательно повлиял на развитие операции. Наступавшие войска истощили свои силы. Темп их продвижения резко снизился. В свою очередь противник за это время успел подтянуть резервы и организовать оборону на тыловых рубежах. С подходом на волчанское направление двух его танковых и одной пехотной дивизий соотношение противоборствующих сил изменилось не в нашу пользу.

С 14 мая советские войска утратили инициативу действий на этом направлении. Частям генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева и правого фланга 38-й армии генерал-майора К.С. Москаленко пришлось отражать контрудар немецких танковых дивизий на подступах к железной дороге и шоссе Белгород – Харьков. Вражеская авиация господствовала в воздухе. Количественное и качественное ее усиление на харьковском направлении было достигнуто за счет военно-воздушных сил всего южного крыла Восточного, то есть 4-го воздушного флота. Тимошенко вместе с командующим ВВС фронта генералом Ф.Я. Фалалеевым пришлось организовывать отражение ее ударов. Требовалось также быстро перенацелить авиацию 6-й армии на прикрытие и поддержку действий северной ударной группировки.

Следующей заботой главкома стало укрепление стыка между 28-й и 38-й армиями. Сильный танковый удар врага минувшим днем привел к обнажению южного фланга 28-й армии. С утра 14 мая обстановка здесь еще больше осложнилась, так как на смежных флангах этих армий стремились развить свой первоначальный успех 3-я и 23-я вражеские танковые дивизии. Из доклада штаба 38-й армии выяснилось, что в ночь на 14 мая части дивизии под командованием генерала А.В. Горбатова вновь выбили противника из Непокрытой. Но в 10 часов утра обеими своими танковыми дивизиями Паулюс нанес удар по сходящимся на Перемогу направлениям. Избегая излишних потерь, генерал Горбатов отвел части, занявшие перед этим Непокрытую, к р. Большая Бабка. Здесь его воины отразили все контратаки врага.

На рассвете 14 мая над позициями дивизии генерала А.И. Родимцева появилось около пятидесяти немецких пикирующих бомбардировщиков. Немецкие летчики с большой точностью бомбили боевые порядки гвардейцев – зенитное и авиационное прикрытие дивизии практически отсутствовало, опасаться им было некого. После бомбежки в атаку устремились танки. При поддержке 57-й танковой бригады под командованием генерал-майора В.М. Алексева полки Родимцева смело вступили в бой.

На подступах к переднему краю артиллеристы подбили девять танков. Батарея 45-миллиметровых пушек 54-го гвардейского стрелкового полка, расположенная на одной из высот, вела огонь до тех пор, пока не вышли из строя все орудия. Для овладения этой высотой противник двинул 15 танков, но артиллеристы упорно сопротивлялись. Ими уверенно руководил начальник артиллерии полка майор С. Сурначев. За короткое время батарея уничтожила пять танков и до взвода пехоты. Особенно отличился взвод противотанковых орудий лейтенанта П.Д. Николаенко. Расчеты младших сержантов Н.И. Воробьева и Г.С. Криушечева подбили по два танка каждый.

Бой длился уже несколько часов. Противник наращивал силу ударов, вводя новые танковые подразделения. Около полусотни вражеских машин заходили в тыл 42-му гвардейскому

стрелковому полку. Его командир полковник И.П. Елин выдвинул навстречу им свой последний резерв – роту противотанковых ружей под командованием старшего лейтенанта П.Д. Куимова и группу автоматчиков с противотанковыми гранатами. Ее возглавил политрук И.А. Трофименко. Подпустив танки на 200 метров, бронейщики по общей команде открыли огонь и за несколько минут вывели из строя девять машин. Две из них записал на свой счет Куимов.

Трудно пришлось автоматчикам, которые не успели отрыть хотя бы мелкие окопы. Используя складки местности и воронки от взрывов, бойцы Трофименко залегли. На них двигались 25 машин. Политрук первым метнул гранату в головной танк и поджег его, бойцы подбили еще три. А к месту неравной схватки спешили еще полтора десятка машин. Вся группа автоматчиков погибла под гусеницами вражеских танков, не отступив ни на шаг.

Против 39-го гвардейского стрелкового полка наступал пехотный батальон при поддержке двадцати пяти танков. Артиллеристы 32-го гвардейского арtpолка майора В.Г. Клягина массированным огнем преградили им путь. Батарея старшего лейтенанта И.П. Сыроватко подбила восемь танков, но шесть других все же перевалили через передний край нашей обороны. Стрелковые подразделения пропустили их сквозь свои боевые порядки, а вражескую пехоту встретили огнем из всех видов оружия. Навстречу прорвавшимся танкам командир 39-го гвардейского полка выдвинул саперный взвод с противотанковыми минами. В ходе короткого, но предельно ожесточенного боя все шесть машин были подорваны.

Положение на смежных флангах двух армий нормализовалось, прорыв вражеских танков удалось локализовать.

В тот день, 14 мая, 28-я армия продвинулась еще на 6–8 км и вышла к тыловому рубежу противника, проходившему по правым берегам рек Харьков и Муром. Наступил момент ввода в прорыв подвижной группы, состоявшей из 3-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора В.Д. Крюченкина и 38-й стрелковой дивизии полковника Н.П. Доценко. Однако из-за плохой организации управления войсками штабом 28-й армии группа не успела своевременно сосредоточиться в указанном районе.

Начальник штаба 21-й армии генерал-майор А.И. Данилов докладывал, что противник по-прежнему удерживает опорные пункты Графовка, Шамино и Муром. 76-я и 293-я дивизии пытались взять эти узлы сопротивления фронтальными атаками, но безуспешно. Главком приказал генералу Гордову прекратить бесполезные атаки, частью сил наступавших дивизий блокировать опорные пункты, а главными силами развивать наступление на северо-запад.

В этот же день на крайнем северном фланге фронта авиаразведкой было отмечено интенсивное передвижение вражеских войск на автомашинах по дорогам из Белгорода на Харьков. Как выяснилось позднее, Паулюс, исчерпав свои резервы, решил снять войска с неатакованных участков обороны и бросить их в район Харькова для отражения наступления советских войск.

Маршал Тимошенко решил активизировать действия фланговых дивизий армии Гордова и сорвать маневр противника. Эту задачу выполнила 227-я стрелковая дивизия, успешно прорвав оборону на одном из участков 17-го немецкого армейского корпуса. Разгромив противостоящие части, она за день продвинулась на 6 км и овладела рядом населенных пунктов. Отсюда враг уже не смог взять ничего для укрепления своего центра. Но из состава 29-го армейского корпуса, оборонявшегося на подступах к Белгороду, Паулюс использовал 168-ю пехотную дивизию. В районе Мясоедово была организована атака силами одного полка из состава нашей 301-й стрелковой дивизии. Однако для полнокровного корпуса противника это было булавочным уколom. Собрать же хотя бы небольшой кулак из правофланговых частей 21-й армии было просто невозможно.

Тем не менее общий итог боев к исходу дня 14 мая в полосе северной группы был положительным, фронт прорыва составил здесь 56 км. Войска, действовавшие в центре группы, продвинулись в глубину обороны врага на 20–25 км. Благоприятно в целом развивалась обста-

новка и в полосе наступления войск под командованием генералов А.М. Городнянского и Л.В. Бобкина.

Весь день шли упорные бои за Верхний Бишкін и Верхнюю Береку. Вечером сопротивление гарнизонов обоих опорных пунктов было сломлено. Под угрозой полного окружения остатки их бежали на запад. Соединения армии, очистив от противника прилегающую к этим узлам сопротивление местность, двинулись на Тарановку и к концу дня вышли на рубеж в 35–40 км от южных предместий Харькова.

Командир 6-го кавалерийского корпуса генерал А.А. Носков, дивизии которого продвинулись дальше других частей южной группы, сообщил, что противник, пытаясь прикрыть красноградское направление, ввел в бой еще один полк. Теперь уже конников контратаковали два полка 113-й пехотной дивизии. Но все их атаки были отбиты. Части корпуса овладели районом Казачий Майдан, Росохватовка, Ново-Львовка, расположенным на удалении 20–25 км от Краснограда.

К исходу дня генерал Бобкин доложил, что 393-я и 270-я дивизии разгромили 454-ю охранную дивизию врага, расширили фронт прорыва в юго-западном направлении, освободили до десятка населенных пунктов и своим правым флангом почти нагнали вырвавшийся вперед 6-й кавкорпус.

По свидетельству самого командующего группой армий «Юг», действия советских войск расценивались как их серьезный успех. «Утром 14 мая, – писал он, – ситуация в полосе 6-й армии характеризовалась тем, что противник прорвался на правом фланге 8-го армейского корпуса и стремился развить успех на Красноград введением в прорыв кавалерии. 454-я охранная дивизия отступила, ее подразделения удерживают отдельные малочисленные позиции. Нашими основными контрударами в районе Волчанска в первой половине дня мы не достигли существенного изменения в обстановке. Возникла необходимость в перегруппировке с тем, чтобы возобновить и усилить удары»⁹⁸.

В ночь на 15 мая штаб фронта готовил донесение в Ставку Верховного Главнокомандования, в котором он констатировал успех первых трех дней наступления. Оценивая результаты боев северной ударной группировки с резервами противника, отмечалось, что, несмотря на причиненный двум немецким танковым дивизиям большой урон, они продолжают оставаться серьезным препятствием для советских войск в их наступлении на Харьков. В связи с этим высказывалась просьба о выделении резервов, прежде всего на правое крыло фронта. В оценке обстановки на южном крыле направления штаб вынужден был целиком исходить из тех данных, которые представил Южный фронт.

Утром маршал Тимошенко ознакомился с подготовленным проектом и в основном согласился с его выводами. Он усилил оптимистичность утверждения, что войскам Юго-Западного фронта удалось сорвать встречное наступление противника в районе Харькова.

В послевоенные годы, когда почти все документы немецкого командования, вплоть до отчетных оперативных карт германского генштаба, оказались в руках историков, стало намного легче судить обо всех решениях и действиях нашего командования и штаба направления. Документы показывают, что наступление войск левого крыла Юго-Западного фронта поставило в очень тяжелое положение войска Паулюса на красноградском направлении. По существу, прорыв вызвал у немецкого командования панику. Во всяком случае, командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Бок именно 14 мая был близок к тому, чтобы отказаться от запланированной наступательной операции. Вот его запись: «14 мая удар наших танков в районе Волчанска, длившийся до вечера, принес лишь небольшой территориальный успех. В целом 6-я армия потеряла 16 артиллерийских батарей. Перед полуднем я позвонил Гальдеру и сообщил, что едва ли после прорыва русских запланированное наступление Клейста налич-

⁹⁸ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 233.

ными силами даст необходимые результаты. Если же Клейста с самого начала ожидает неуспех, то это весьма отрицательно скажется на всех действиях вермахта на Восточном фронте. Я заявил, что отказываюсь один нести ответственность за последствия такого развития событий. Верховное командование само должно принять решение: либо дать нам необходимые наземные и воздушные подкрепления немедленно, либо смириться с полумерами, которые лишь только и можем мы предпринять...

Вскоре позвонил фюрер и сообщил, что перенацеливает на угрожаемые участки 4-й воздушный флот Рихтгофена полностью (до 700 боевых самолетов. – *Авт.*). С его помощью мы должны сдерживать противника в полосе действий Паулюса, пока Клейст не нанесет удар, а этот последний необходимо максимально ускорить. У меня гора свалилась с плеч, ибо это означало, что фюрер принял всю ответственность на себя»⁹⁹.

Утром 15 мая на северном участке, в полосе 21-й армии, обстановка начала осложняться. В район Заборовка, Бочковка, Черемушное из-под Белгорода стали прибывать передовые части 168-й пехотной дивизии. Они с ходу начали контратаковать в направлении Муррома. Почти одновременно 3-я и 23-я немецкие танковые дивизии и до трех полков пехоты нанесли удар в северо-восточном направлении. Из района Борщевая, Черкасские Тишки до 80 танков и пехота атаковали наши позиции в районе Петровское и продвинулись на 3–5 км к востоку от этого села. Еще одна группа в составе нескольких батальонов и сорока танков двинулась из окрестностей деревни Непокрытая в направлении на Терновую, стремясь вклиниться в стык 28-й и 38-й армий с задачей деблокировать окруженный гарнизон Терновой. Главком подтвердил приказ: временно прекратить наступление, закрепиться на достигнутых рубежах для надежного обеспечения фланга ударной группировки. Итак, 15 мая наступательные задачи фактически получили только 21-я армия и две правифланговые дивизии 28-й армии.

Тем временем обстановка продолжала все более обостряться. В 15 часов авиационная разведка сообщила, что над боевыми порядками 38-й армии пролетело девять немецких транспортных самолетов, которые выбросили в окрестностях Терновой парашютный десант численностью до трехсот человек. В то же время противник предпринял попытку форсировать р. Большая Бабка у села Песчаное. Примерно два пехотных батальона с танками атаковали смежные фланги 226-й и 124-й стрелковых дивизий. Главком направления принял ряд мер, чтобы парализовать действия вражеской авиации. А она в этот день была особенно активной – более полутысячи самолето-вылетов.

В этих сложных условиях советские летчики смело вступали в воздушные сражения. Произведя более трехсот самолето-вылетов, они сбили до 30 немецких самолетов. Энергично действовали и наземные войска, особенно противотанковая артиллерия, группы истребителей танков, стрелковые части. В итоге, потеряв в общей сложности несколько батальонов пехоты, более полусотни танков, противник вынужден был прекратить контрудар, а на ряде участков отойти на исходные рубежи.

Но эти действия поглотили все тактические резервы. Для уничтожения парашютистов пришлось снять с фронта один из полков 175-й стрелковой дивизии 28-й армии. Продвижение танков из Непокрытой в стык между 28-й и 38-й армиями было остановлено на рубеже Красное, Драгуновка. Критическим оставалось положение на участке левофланговых 244-й и 13-й гвардейской стрелковых дивизий 28-й армии. Один из полков 244-й дивизии вынужден был отойти на 10 км к северо-востоку и закрепиться юго-западнее Терновой, другой полк оставил Веселое и закрепился на линии высот севернее, третий полк остался в окружении юго-западнее Веселого. 13-я гвардейская дивизия заняла оборону на рубеже высот 207,0, 214,0 у населенного пункта Гордиенко, загнув свой правый фланг.

⁹⁹ Gorlitz W. Paulus und Stalingrad. Fr/M, 1964. S. 180–181.

В течение 15 и 16 мая противник, стремясь добиться успеха, бросал на позиции 13-й гвардейской дивизии все новые и новые танковые части. Более восьмидесяти вражеских машин и до роты пехоты вышли во фланг 42-му гвардейскому стрелковому полку. Когда до танков оставалось меньше 800 метров, командир артиллерийского дивизиона Криклий подал команду, и батареи открыли огонь. Вражеские танкисты ответили стрельбой из пушек и пулеметов. Более 20 минут длился бой, многие танки уже горели, уцелевшие упорно продвигались вперед и вскоре приблизились настолько, что боевые порядки артиллеристов стали поражать осколки от снарядов своих же гаубичных батарей, бивших по врагу с закрытых позиций. Один из снарядов угодил в ящики с боеприпасами. Быстро замелькали лопаты, и пламя было сбито. А наводчики орудий, не отрываясь от панорамы, посылали снаряд за снарядом в борта вражеских машин.

Отважно сражались командир орудия гвардии сержант Лычак, наводчик Белоусов, командир орудия гвардии сержант Суховой и наводчик Зюнев. Но особенно отличились командиры огневых взводов гвардии лейтенант Шашин и гвардии младший лейтенант Горлов, которые в этом бою действовали за наводчиков. Каждый из них уничтожил по четыре танка. Многие из артиллеристов полегли на поле боя, многие были ранены, но гвардейцы выстояли. Перед их позициями навсегда замерли 32 исковерканных, сожженных танка¹⁰⁰. Гвардии капитан Криклий получил тяжелое ранение, но остался на позициях 1-й батареи, куда пришелся основной удар врага. За умелое руководство боем, личную храбрость и мужество Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 июня 1942 г. Иван Ильич первым в действующей армии был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (к сожалению, капитан И.И. Криклий скончался в госпитале. – *Авт.*).

С утра командир 1-й батареи гвардии старший лейтенант И.М. Быков следил за полем боя со своего наблюдательного пункта. Вот он на горизонте увидел первые танки врага. Вскоре, огибая березовую рощу, они двинулись на артиллерийские позиции. Быков пересек балку и быстро зашагал к огневицам. Из-за холма уже показались первые машины врага. Они двигались развернутым строем в две линии, с открытыми люками. Шли осторожно, как бы высматривая скрытые в молодой весенней зелени затаившиеся противотанковые пушки.

Быков не сводил перекрестия бинокля с танков. 900, 800, 700 метров... Нервы напряжены до предела. Наводчики замерли у панорам.

– Первому – по головному, второму – по командирскому, третьему – по стреляющему... огонь! – раздалась, наконец, команда.

Орудия дали залп, потом перешли на беглый огонь. Головные машины вспыхнули, словно факелы. Наводчик Белоусов подбил уже третий танк. Раненный осколком снаряда, он упал у щита орудия. Его место занял командир орудия гвардии сержант Лычак. Он действовал по-снайперски и уничтожил в этом бою шесть машин.

На огневых позициях рвались вражеские снаряды. Комья земли и осколки летели во все стороны, буквально засыпая артиллеристов. Среди сплошного грохота разрывов и свиста снарядов раздавался уверенный голос командира батарей. Своим поведением он воодушевлял людей. Наводчики Кутаев и Кулинец, гвардии лейтенант Крындич, наводчик Зюнев, командир орудия Смирнов подбили уже восемь вражеских танков.

А противник упорно рвался вперед. Были ранены командир батареи и комиссар Лемешко. Но они не оставили батарею и продолжали управлять огнем. Из строя вышли два орудия, но два других посылали снаряд за снарядом во вражеские машины. Более трех часов длился бой. Батарея Быкова подбила и сожгла десять танков. Враг не выдержал поединка с артиллеристами и отступил¹⁰¹. Только за один день 13-я гвардейская стрелковая дивизия уничтожила сорок три танка. За героизм, проявленный в этом бою, Указом Президиума Верхов-

¹⁰⁰ Самчук И.А. Тринадцатая гвардейская. С. 87–89.

¹⁰¹ Калишин В.В., Макаренко Д.Г. Герои подвигов на Харьковщине. Харьков, 1970. С. 88.

ного Совета Союза ССР от 3 июня 1942 г. гвардии старший лейтенант И.М. Быков удостоен звания Героя Советского Союза, а многие бойцы и командиры награждены орденами и медалями.

16 мая 2-й дивизион 307-го артиллерийского полка 169-й стрелковой дивизии во главе со старшим лейтенантом В.К. Харазия занял огневые позиции на южной окраине села Веселое и в течение нескольких часов отражал контратаки моторизованной пехоты врага. Но вот на огневые позиции артиллеристов двинулось более 70 немецких танков. Шли они с левого фланга и тыла туда, где располагалась 5-я батарея. В это время командир дивизиона находился на ее огневых позициях.

Когда до прорвавшейся к огневым позициям дивизиона танковой лавины оставалось около тысячи метров, его командир приказал:

– Выкатить орудия на прямую наводку! Сам он занял место наводчика одной из пушек.

С грозным ревом и лязгом танки двигались к позиции горстки советских артиллеристов. Когда они приблизились на расстояние 50–200 метров, батарейцы открыли огонь. Запылали четыре вражеские машины. Завязался ожесточенный поединок. Не считаясь с потерями, танки противника рвались напролом. Вокруг орудий вздымались столбы черного дыма. Гибли, сраженные осколками снарядов, артиллеристы.

Бой длился больше четырех часов. Потеряв 30 танков, противник вынужден был отступить. 26-летний Харазия, действуя за наводчика, лично подбил восемь вражеских машин и погиб от прямого попадания вражеского снаряда. Отважного артиллериста, первого представителя Абхазии, ставшего Героем Советского Союза, Владимира Камсаговича Харазия похоронили с воинскими почестями в братской могиле в селе Веселое¹⁰².

Напряженным выдался этот день и в полосе действий 6-й армии. Как уже упоминалось, главной задачей армии было достижение восточного берега р. Берестовая – рубежа ввода в прорыв подвижной группы. 411-я и 266-я дивизии, действовавшие на направлении главного удара армии, справились со своей задачей, несмотря на то что немецкое командование активизировало действия авиации, которая нанесла немалый урон нашим войскам с воздуха. Передовой полк 411-й дивизии овладел приречным селом Охочае, правофланговая 47-я горнострелковая дивизия вышла к Северскому Донцу на участке Глинище, Коробов, а 253-я стрелковая дивизия – к реке Сухая Гомольша и завязала бои за опорный пункт врага в селе Великая Гомольша.

Неплохо в этот день действовала и армейская группа генерала Бобкина. Ее 6-й кавалерийский корпус вел бои на ближних подступах к Краснограду с востока, а 393-я и 270-я стрелковые дивизии продвинулись еще на 10 км в западном и юго-западном направлениях, перерезали железную дорогу Красноград – Лозовая и овладели несколькими крупными населенными пунктами.

Этот успех войск южной группы вызвал тревогу у Паулюса и его штаба. С их стороны был предпринят ряд мер, чтобы удержать за собой рубеж по р. Берестовая. Для усиления левого фланга 454-й охранной дивизии в район Кегичевки был брошен полк 113-й пехотной дивизии. Но кавалеристы под командованием генерала Носкова оттеснили его к Краснограду, два дружных полка этой дивизии поспешно отошли на западный берег Берестовой, заняв там оборону совместно с остатками ранее разбитой 62-й пехотной дивизии.

Паулюс предпринял экстренные меры: не ожидая окончания сосредоточения в Харькове всех частей 305-й пехотной дивизии, он поменял станции назначения эшелонам этой дивизии, еще находившимся в пути. Один ее полк из Полтавы был переброшен в Красноград, а остальные два срочно направились в Тарановку. К исходу дня противник провел сильную контратаку силами полка 113-й дивизии и подошедшими подразделениями 305-й пехотной дивизии.

¹⁰² *Абишлова А.А.* В боях за Родину. Сухуми, 1980. С. 112–116.

После ожесточенного боя им удалось оттеснить один из полков 411-й стрелковой дивизии на южную окраину села Охочае.

Паулюс не без основания считал, что именно красноградское направление представляет для его армии наибольшую угрозу. Действительно, с выходом советских войск в этот район немецкие войска теряли железную дорогу, связывавшую районы дислокации и действий 6-й и 17-й полевых армий, которым вместе с двумя танковыми армиями предстояло решать главную задачу летней кампании 1942 г. Огромную роль играл и сам Красноград – узел различных коммуникаций. Стремясь удержать его и имея при этом тяжелое положение с резервами в полосе действий 6-й армии Паулюса, фон Бок изъясил резервы у 17-й армии и с их помощью подготовил контрудар на Андреевку и Сахновщину – во фланг группы генерала Бобкина.

В ночь на 16 мая противник взорвал все мосты через р. Берестовая, одновременно принял меры по упорядочению обороны вдоль ее западного берега. Впрочем, уже сама по себе река представляла серьезное препятствие для наступающих.

16 мая – фактически в последний день наступления – Совинформбюро сообщило: «В последний час. Успешное наступление наших войск на харьковском направлении. 12 мая наши войска, перейдя в наступление на харьковском направлении, прорвали оборону немецких войск и, отразив контратаки крупных танковых соединений и мотопехоты, продвигаются на запад.

За время с 12 по 16 мая наши части продвинулись на глубину 20–60 километров и освободили свыше 300 населенных пунктов. За названный период нашими войсками, по предварительным данным, захвачены у противника следующие трофеи: орудий – 365, танков – 25, минометов – 188, пулеметов – 379, снарядов – 46 413 и отдельно 89 ящиков со снарядами, мин – 23 284, патронов – около 1 000 000 штук, гранат – 13 000, автомашин – 90, радиостанций – 29, артиллерийских, продовольственных и вещевых складов – 38. Захвачено в плен свыше 1200 солдат и офицеров противника.

За это же время уничтожено: 400 немецких танков, 210 орудий, 33 миномета, 217 пулеметов, около 700 автомашин, более 100 подвод с грузами, 12 разных складов, 147 самолетов. Уничтожено около 12 тысяч немецких солдат и офицеров. Наступление продолжается»¹⁰³.

Бои северной ударной группировки 16 мая в основном носили оборонительный характер. Враг предпринял несколько сильных контратак. Их удалось отбить, но соединения 21-й армии не смогли продвинуться вперед. На левом фланге (против 227-й дивизии) разведка обнаружила, что ночью противник отвел свои главные силы на рубеж р. Харьков. Командир 227-й дивизии полковник Г.М. Зайцев и его сосед генерал А.Д. Кулешов (командир 175-й дивизии 28-й армии), воспользовавшись этим, продвинули свои части на западный берег р. Липец.

В течение дня противник несколько раз действиями мотопехоты, поддержанной танками, пытался прорвать фронт 28-й армии в районе Терновой. Артиллерийским огнем и ударами авиации эти попытки были отбиты. Тогда немецкое командование нарастило силы своей авиации. В дальнейшем выяснилось, что за три дня (с 14 по 16 мая) из Крыма на авиабазы Артемовска, Константиновки и Запорожья были переброшены 3-я истребительная, 55-я и 76-я бомбардировочные эскадры (немецкая эскадра примерно соответствовала советской авиадивизии. – *Авт.*). За это же время в состав Юго-Западного фронта прибыла лишь одна 220-я истребительная дивизия (два полка «ЛаГГ» и два полка «МиГ-3»).

На 17 мая задача северной группы оставалась прежней: разгромить вклинившуюся танковую группировку противника. Здесь уместно отметить одно обстоятельство, касающееся возможностей, которые представились 38-й армии в этот день, но не были реализованы. К тому времени силы врага в так называемом чугуевском выступе были сильно ослаблены. На шестидесятикилометровом участке против 199-й и 304-й стрелковых дивизий оставалось не более

¹⁰³ Сообщения Советского информбюро. Т. 2. М., 1944. С. 290.

десяти вражеских батальонов. Удар 38-й армии на чугуевском направлении, следовательно, имел очень хорошие перспективы на успех.

В течение всего дня 16 мая немецкие части в полосе действий южной ударной группировки при поддержке танков и авиации оказывали упорное сопротивление. Возможность ввести в прорыв нашу подвижную группу возникла только к исходу дня, когда 266-я стрелковая дивизия переправилась через р. Берестовая в районе Парасковей. Но нужно было еще восстановить мосты. Поэтому ввод 23-го и 21-го танковых корпусов отложили до следующего утра.

Части группы генерала Бобкина тем временем захватили переправы через р. Берестовая. К вечеру кавалеристы под командованием генерала А.А. Носкова охватили Красноград с трех сторон, завязав бои на его окраинах. 393-я дивизия вышла на рубеж Шкварово, Можарка. Ширина полосы наступления армейской группы превышала уже 50 км. В этот же день перешла в наступление и правофланговая 150-я дивизия 57-й армии Южного фронта – непосредственный сосед 270-й дивизии. К сожалению, она продвинулась всего на 6 км.

К исходу дня войска Юго-Западного фронта углубились в расположение противника на 20–50 км, нанеся сильные удары по 3-й и 23-й немецким танковым дивизиям (они потеряли почти половину танков), разгромили 79, 294, 62, 454 и 113-ю пехотные дивизии, «потрепали» 108-ю венгерскую и 4-ю румынскую пехотные дивизии, частично – 71-ю и 305-ю немецкие пехотные дивизии. Однако свои задачи не выполнили¹⁰⁴.

Дело в том, что противник располагал гораздо большими силами, чем предполагалось. Вводом резервов – двух танковых и двух пехотных дивизий – Паулюс добился превосходства на флангах северной ударной группировки и навязал ей тяжелые оборонительные бои. А на южном участке, бросив в бой до трех резервных пехотных дивизий, он достиг равновесия в силах, удерживая свой последний оборонительный рубеж на р. Берестовая. Большую роль сыграло и наращивание сил вражеской авиации.

С утра 17 мая, считая, что нет никаких признаков угрозы со стороны противника в полосе действий правого крыла Южного фронта на барвенковском направлении, командование Юго-Западного фронта продолжало развивать наступление на Харьков.

Боевые действия северной ударной группировки проходили в трудных условиях. Из-за плохого управления войсками 28-й армии инициатива в наступлении перешла к противнику. Главный удар в ее полосе нанесли 3-я и 23-я танковые и 71-я пехотная дивизии. Для его отражения командарм ввел в сражение основные силы 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Наступление противника против правого фланга соседней 38-й армии успеха не имело.

Командующий 6-й армией ввел в сражение 21-й и 23-й танковые корпуса, стремясь развить удар на Харьков с юга. Затянувшийся ввод привел к тому, что танкисты вынуждены были сразу же преодолевать сопротивление противника, сумевшего организовать оборону в глубине. К исходу дня танковые корпуса продвинулись на 10–15 км, но оторваться от стрелковых соединений так и не смогли. На следующий день наступление танковых корпусов практически было приостановлено, так как поступил приказ о переброске их на новое направление.

Итак, основным недостатком в использовании танковых корпусов стал запоздалый ввод их в сражение. Момент внезапности был утрачен, противник подтянул свои резервы, произвел перегруппировку и занял тыловые оборонительные рубежи. Темпы наступления танковых корпусов были низкими. Не было также организовано их артиллерийское и авиационное обеспечение.

Прежде чем продолжить повествование о событиях под Харьковом, необходимо хотя бы бегло обрисовать обстановку в предшествующие дни в полосе Южного фронта. «Для лучшего выяснения происходивших здесь событий, – отмечает И.Х. Баграмян, – полезно сделать одно разъяснение. Главком Юго-Западного направления руководство подчиненными ему двумя

¹⁰⁴ Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. С. 91.

фронтами осуществлял через небольшой по своему составу штаб направления. Но поскольку маршал Тимошенко одновременно являлся и командующим Юго-Западным фронтом, войска которого решали в Харьковской операции главную задачу, он основное внимание уделял боевым действиям войск этого фронта. Как в период подготовки операции, так и с началом ее проведения главком, его штаб, командующие родами войск целиком были поглощены вопросами управления войсками Юго-Западного фронта. Южный же фронт в этой операции выполнял вспомогательную задачу. К тому же во главе войск этого фронта были опытные военачальники».

Эти обстоятельства и обусловили тот факт, что на первом этапе Харьковской операции контроль за действиями войск Южного фронта оказался ослабленным. Командование же этого фронта по ряду причин не придавало должного значения выполнению своей главной задачи. К тому же с 7 по 15 мая 9-я армия, на которую была возложена задача прочно прикрыть от ударов противника с юга самое опасное направление для наступавших на Харьков войск левого крыла Юго-Западного фронта, проводила частную операцию по овладению районом Маяков¹⁰⁵. Для этого были привлечены почти все силы, включенные в состав армейского резерва, – стрелковая дивизия, две танковые бригады. Втянутыми в сражение оказались и основные силы 5-го кавалерийского корпуса, составлявшего резерв Южного фронта (две кавалерийские дивизии, одна танковая бригада), то есть те соединения, которые предназначались для отражения возможного прорыва противником обороны 9-й армии на барвенковском направлении.

Поняв опасные последствия действий в направлении на Маяки, начальник штаба направления генерал И.Х. Баграмян доложил об этом Военному совету и главкому и просил отдать распоряжение о прекращении операции, возвращении всех войск резерва Южного фронта в район Барвенково. Тимошенко и Хрущев, однако, решили, что, поскольку операция уже ведется и, по всей вероятности, притягивает к району действий оперативные резервы противника, вряд ли целесообразно ее прекращать, тем более что, судя по донесениям командования и штаба Южного фронта, они не видели признаков угрозы со стороны противника на барвенковском направлении. Баграмяну было предложено выяснить, каково истинное положение дел в районе Маяков и также ближайшие планы командования и штаба Южного фронта.

Заместитель Баграмяна генерал-майор Л.В. Ветошников связался по прямому проводу с начштаба фронта А.И. Антоновым, чтобы выяснить сложившуюся в районе Маяков обстановку. Антонов сообщил, что из-за возрастающего сопротивления противника 9-я армия не достигла успеха, но решение продолжать наступление на Маяки не отменено, так как Военный совет фронта считает этот населенный пункт очень важным объектом, а решение овладеть им является в сложившейся обстановке целесообразным. Ослабление же резервов в районе Барвенково произведено с разрешения командующего войсками фронта¹⁰⁶.

Далее генерал Ветошников сообщил Антонову: «...Товарищ Баграмян просил передать Вам его мнение, что, не будут ли являться действия у Маяки лишь истощением своих сил, учитывая в то же время в перспективе возможную активизацию противника. Товарища Баграмяна сейчас особенно беспокоит возможный контрудар противника на барвенковском и славянском направлениях. А отсюда, не целесообразнее ли будет лучше сохранить свои силы и подготовиться для отражения этого возможного контрудара. Каково ваше мнение по этому вопросу?» А.И. Антонов ответил: «Я считаю, что если в течение сегодняшнего дня и ночи удастся овладеть районом лесничества, то это даст нам возможность выйти из леса на высоты южнее Маяки и отрезать их от Славянска, что в дальнейшем позволит полностью ликвидировать гарнизон, находящийся в Маяки, для нас это было бы очень важно. Если дело с лесничеством быстро

¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 123. Л. 384.

¹⁰⁶ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 262. Л. 233.

разрешить не удастся, то придется все это предприятие прекратить. Таким образом, решение этого вопроса прошу отложить до завтрашнего утра»¹⁰⁷.

15 мая начальник штаба Южного фронта доложил, что боевые действия в течение второй половины дня 14 мая и ночи на 15 мая положительных результатов не дали. Сломить вражеское сопротивление не удалось. В то же время, по его мнению, перед фронтом 9-й армии противник особой активности не проявляет. Он проинформировал также, что для усиления района Барвенково 34-я кавалерийская дивизия 5-го кавалерийского корпуса ночью выведена в район Никополь, Васильевка, Григоровка¹⁰⁸.

В ночь на 17 мая командующий 9-й армией генерал Ф.М. Харитонов прибыл на вспомогательный пункт управления армии, развернувшийся в селе Долгенькое. Тогда генерал не знал, что войска Клейста, завершив перегруппировку, уже вышли в исходное положение для наступления. На участке прорыва шириной 40 км были сосредоточены 3-й моторизованный корпус (14-я танковая дивизия и боевая группа Барба, 60-я моторизованная, 1-я горно-стрелковая, 100-я венгерская и 20-я румынская пехотная дивизии), 44-й армейский корпус (16-я танковая, 68, 389, 384-я пехотные и 97-я мотопехотная дивизии), 52-й армейский корпус (легкопехотная, два полка 257-й пехотной дивизии и 500-й штрафной батальон). Итак, против 9-й армии изготовились для удара 11 дивизий и до 360 танков.

Эти крупные силы, действовавшие перед южным флангом барвенковского плацдарма, вражеское командование предназначало для двух ударов – на Барвенково и Долгенькое. Противник планировал расцезь оборону 9-й армии, окружить и уничтожить ее соединения восточнее Барвенково, выйти на р. Северский Донец в районе Изюм, Петровское, форсировать ее и нанести удар на Балаклею. Там наступающие должны были соединиться с 6-й немецкой армией, оборонявшей чугуевский плацдарм. Тем самым достигалось окружение всей группировки советских войск внутри барвенковского выступа.

Возникает резонный вопрос: могло ли командование направления предвидеть действия противника и своевременно принять необходимые меры? Ряд свидетельств участников тех событий позволяет дать ответ на этот вопрос.

¹⁰⁷ Там же. Л. 233–234.

¹⁰⁸ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 545. Д. 262. Л. 265–267.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.